

Весёлая Переменка

Весёлая Переменка

Первый

Сборник рассказов

Марина Дружинина, Валентин Постников, Илья Ильин, Марк Шварц, Сергей Степанов, Инна Гамазкова, Анна Кичайкина, Тамара Крюкова

Весёлая переменка

Сборник смешных рассказов

Марина Дружинина

Звезда и капуста

Я включил телевизор и тут же закричал: «Ура! Филимон!» На сцене, разукрашенной цветами и воздушными шарами, пел и плясал мой любимый артист.

— Ишь, какой голосистый, — бабушка оторвалась от книжки с интригующим названием «Всего ли тебе хватает?» и внимательно посмотрела на Филимона. — Только уж больно дёргается. Сразу видно — нервный.

— Да это песня такая! Любой задёргается! — заступился я за своего кумира.

— А чего он её поёт? Нормальный человек не выбрал бы такую песню. Значит, нервный! — веско сказала бабушка. — Твоему Филимону явно не хватает магния и витаминов группы В! Гречки нужно побольше есть! И гороха!

Тут Филимона показали крупным планом, и бабушка воскликнула:

— А бледненький-то какой! Малокаровый! Железом его тоже надо подкормить!

— По телевизору все бледные, — возразил я.

Но бабушка стояла на своём:

— Не знаю, как всем, а ему железо позарез нужно! И побольше!

В конце песни Филимон рухнул на колени и протянул руки к зрителям. В том числе и к нам, разумеется.

— Он совсем ослаб! На ногах не держится, — запричитала бабушка.

— Налицо недостаток витамина С! Вот к чему приводит неправильное питание!

— А что нужно есть, чтоб всего хватало? — не на шутку встревожился я.

— Можешь почитать, — бабушка протянула мне свою книжку. — Очень познавательно.

На этом концерт и закончился.

На следующий день в школе меня ждал потрясающий сюрприз: к нам приезжает сам Филимон по случаю Дня рождения школы! Оказывается, он здесь учился!

Мы еле высидели до конца занятий и — скорее в актовый зал. А там — красотища! Сцена украшена воздушными шарами! Мигают разноцветные лампочки! Всюду цветы! Ну совсем, как вчера по телевизору. И Филимон выступал точно так же, как по телевизору: пел с неподражаемым завыванием, скакал, дёргался и время от времени падал на колени.

Мы с восхищением смотрели на знаменитого артиста и бешено аплодировали.

А когда концерт закончился, все начали скандировать: «Фи-ли-мон! Е-щё!»

Филимон спел дополнительную песню, потом прижал руки к сердцу и растроганно произнёс:

— Спасибо, друзья! А теперь я буду отвечать на ваши вопросы. Задавайте, пожалуйста.

Девчонки немедленно стали писать записки. Причём некоторые — вовсе без вопросов. Например, Алиса Трякилева — она сидела рядом со мной, и я всё видел, — отправила артисту вот такое зашифрованное послание:

Я, конечно, сразу догадался, что это означает: «Я люблю Филимона». И подпись: «Алиса Трякилева».

А Владик Гусев прямо с места спросил:

— Уважаемый Филимон, страдаете ли вы звёздной болезнью?

— Хоть я и звезда, — скромно улыбнулся Филимон, — звёздной болезни у меня нет. Как, впрочем, и других болезней. Потому что я веду здоровый образ жизни.

Все зааплодировали. А я понял, что настал мой черёд задавать вопросы. Спросить певца мне нужно было о многом.

Я встал и сказал:

— Уважаемый Филимон, почему вы не едите гречку, отруби, горох и молочные продукты?

— С чего ты взял? — удивился Филимон. — Всё вышеназванное я весьма уважаю. А простоквашу каждое утро обязательно пью.

— Значит, мало! — я укоризненно покачал головой. — Очень уж вы дёргаетесь, когда поёте: нервишки пошаливают! Потому что вам не хватает витаминов группы В и магния. А я за вас переживаю!

— Сам и ешь магний, — захихикал Петька Редькин, повернувшись ко мне.

А Филимон натянуто засмеялся:

— Это же сценический образ! Имидж!

— И с железом у вас дела обстоят неважнецки, — продолжал я. — Почему вы не употребляете шпинат, петрушку, антоновку и орехи? Из-за этого вы бледный, как шампиньон!

— Чего ты выдумываешь! — разволновался Филимон. — Я специально пудрюсь перед выступлением. А различные продукты с железом очень даже люблю. И семечки всегда грызу в антракте.

— Ну уж про витамин С вы точно забываете, — не сдавался я. — Капусту не едите! Вон как валитесь на пол почти после каждой песни. Это — упадок сил!

— Не упадок сил, а сценический образ! Тебе же объяснили! — возмутилась влюблённая

Трякилева. И некоторые ребята подхватили: — Имидж! Образ!

— Правильно! Молодец, девочка! — артист благодарно кивнул покрасневшейся Алиске. Но мне всё же ответил:

— Не беспокойся, дружок! С витамином С у меня полный порядок. И лимоны ем, и чёрную смородину. Капусту на зиму заквасил. Два бочонка!

Все опять зааплодировали. А Трякилева радостно крикнула:

— Мы тоже заквасили капусту!

— И мы заквасили! — раздались голоса со всех сторон.

После этого Филимон раскланялся и уехал.

— Откуда ты знаешь про всякие витамины, железо? — спросил в раздевалке Владик Гусев.

— Вот, — я достал из рюкзака бабушкину книжку. — Очень ценная вещь.

— А там написано, что нужно есть, чтобы не приставать с дурацкими вопросами к певцам? — ехидно поинтересовался Петька Редькин.

Я пропустил колкость мимо ушей — надо быть выше этого. Только молча, но убедительно стукнул Редькина книжкой по голове.

Прошло некоторое время. Сижу я, делаю уроки. Вдруг бабушка зовёт меня на кухню:

— Иди скорей! Твой Филимон поёт!

Прибегаю, и точно: по телевизору выступает Филимон.

— Гляди-ка, — заметила бабушка, — перестал дёргаться. И без чувств не падает. И вид у него гораздо лучше.

— Значит, Филимон изменил сценический образ. Имидж, — объяснил я.

— Да брось ты! — махнула рукой бабушка. — Просто гречку и капусту стал есть!

Элементарно, Ватсон!

Посмотрел я в очередной раз фильм про Шерлока Холмса и твёрдо решил: буду сыщиком. Самого высокого класса, как Шерлок Холмс. Главное в этом деле — наблюдательность, умение мыслить логически и специальные знания. Прямо сейчас и начну тренироваться.

Тут в комнату вбежал Кирюшка. Рот у него был перемазан свёклой.

Я пристально посмотрел на братишку, и мысль моя заработала.

«Кирюшка весь в свёкле. Значит, он её ел. Логично. Но одну только свёклу Кирюшка есть не станет — не любит. Зато он обожает свекольник и винегрет — вот и специальные знания пригодились. — Я довольно потёр руки. — Поехали дальше. Свекольник исключается — Кирюшка обязательно облился бы этим самым свекольником. Остаётся винегрет! А я его, между прочим, тоже люблю!»

Я кинулся на кухню к бабушке:

— Можно винегретика?

— Как ты узнал, что я его приготовила? — удивилась бабушка.

— Элементарно, Ватсон, — я пожал плечами. — Метод дедукции!

— Дедукция, говоришь? — заглянул в кухню дед. — А ты мою газету можешь найти? Ума не приложу, куда она подевалась. Всю квартиру обыскал! — Дедушка начал было сокрушённо вздыхать, но неожиданно заметил комара, севшего ему на руку. — Ух мерзавец! — Дедушка хлопнул комара. — Ни днём ни ночью нет покоя от этих кровопийц!

— Дедушка, — я прищурил глаза, как Шерлок Холмс, — ты ночью бил комаров?

— Ещё как! Столько их за день налетело! Весь потолок облепили!

— Отлично! — Разгадка была близка. — А чем ты их бил?

— Газетой!

— Значит, твоя газета на шкафу, — заключил я. — Ты комаров на потолке бил, затем газету на шкаф положил и забыл!

Дедушка бросился в комнату и через минуту вернулся сияющий, с газетой в руках.

— Точно! Хорошая штука — дедукция! Спасибо!

Потом я решил поупражняться во дворе.

Вышел на улицу и тут же встретил Владика Гусева.

— Привет! — говорю. — Спорим на миллион, что ты идёшь из больницы. А маму твою ещё не выписали.

— Привет, — удивлённо захолопал глазами Владик. — А как ты догадался?

— Элементарно, — отвечаю. — Если бы твою маму выписали, ты бы не ходил в больницу. Логично?

— Логично, — согласился Владик.

— А то, что ты был в больнице, — развиваю дальше свою мысль, — можно определить, если внимательно посмотреть на твои ноги: в больничных бахилах по улице не ходят!

— Ой, правда, — захохотал Владик. — Забыл снять. Так и бегаю.

— Но это не всё, — попыхивая соломинкой, как трубкой, продолжал я. — На спине у тебя рюкзак. Значит, ты пошёл в больницу сразу после школы. Следовательно, ты ещё не обедал, — логический ход моих мыслей наконец завершился... — Айда ко мне винегрет есть!

— Айда! — обрадовался Владик. — Я ужасно голодный! Спасибо!

...После обеда мы посмотрели ещё одну серию про Шерлока Холмса, и Владик отправился к себе домой. Вскоре пришла моя мама.

— Здравствуй, сынок! — поцеловала меня мама. — А почему ты до сих пор уроки не сделал?

— Как ты узнала? — настал мой черёд удивляться.

— Элементарно! — засмеялась мама. Но вместо объяснения строго добавила: — Не теряй время! Садись заниматься.

Как всё-таки она догадалась? Вроде, нет никаких улик...

Да-а-а, пожалуй, Шерлоку Холмсу далеко до моей мамы!

Прыжок фигуристки

Мы смотрели по телевизору фигурное катание. Фигуристы, как обычно, прыгали, кружились и делали «ласточку» под весёлую или, наоборот, грустную музыку. Знаменитый тренер Борис Буханкин комментировал выступления. Вдруг что-то щёлкнуло, и наступила полная тишина. То есть фигуристы всё так же подпрыгивали и кружились, но уже без всякой музыки. Да и Буханкина, хоть он и шевелил энергично губами и размахивал руками — его как раз показали крупным планом, — совершенно не было слышно. Короче говоря, пропал звук.

Мы стали нажимать на разные кнопки и постукивать по телевизору — ничего не помогло.

— Ну и ладно! — сказал папа. — Будем смотреть без музыки. А комментировать и я смогу не хуже Буханкина.

— Давай! — согласились мы.

— На льду олимпийская чемпионка Карина Крутилина! — объявил папа. — Она в отличной спортивной форме после рождения пятого ребёнка! Браво, Карина! Блестяще выполнила самый сложный прыжок — тройной шницель!

— Какой ещё шницель! — захохотали мы. — Нет такого прыжка! Шницель ты на обед ел!

— Действительно, — вспомнил папа. — Было очень вкусно. Тогда это тройной штепсель! Или вентиль! Или что-то в этом духе.

— Может, вексель? — предположил дядя Вася.

— При чём тут вексель! Это же каток, а не твой финансовый институт! — возразил дедушка. — Здесь уж, скорее, будет вензель! Или крендель! Вот с тулупом не запутаешься: у фигуристов тулуп, и у меня тулуп. Только у них бывает и двойной, и тройной, а у меня лишь одинарный. Зато тёплы-ы-ый!

Тем временем Карина Крутилина снова взвилась надо льдом. Потом ещё и ещё раз!

— Лихо скачет, — заметила мама. — Оп! Оп! Я бы назвала такой прыжок опсель.

— Или скоксель! — подхватил я и подпрыгнул в знак солидарности с фигуристкой.

Тут в комнату вбежал мой младший брат Кирюшка и закричал:

— Аксель! Аксель!

В этот момент врубился звук и тренер Буханкин тоже закричал:

— Великолепный аксель от Марины Крутилиной!

— Правильно! Это — аксель! Ну и Кирюшка! Прямо специалист по фигурному катанию! —

восхитились мы.

А Кирюшка, не обращая внимания на наши восторги, запел, приплясывая:

Аксель-Аксель-Аксельков

Съел пятнадцать индюков!

С места сдвинуться не смог,

Прогулял опять урок!

Здоровскую частушку я про Женьку Акселькова сочинил? А то он всё время дразнит меня:

Лютик-Лютик-Лютиков

Свил гнездо из прутиков!

— Здорово! — засмеялись мы и стали дальше смотреть фигурное катание.

Ручка и ножка

Диктант на этот раз начался просто замечательно: Татьяна Евгеньевна посадила меня за одну парту с Ножкой, то есть с Надькой Ножкиной, отличницей!

Давно мне так не везло! Теперь, считай, пятёрка или уж, во всяком случае, не двойка у меня в кармане, а точнее — в дневнике. Ура!

Мы подписали новые тетрадки и приступили к работе.

История, которую диктовала Татьяна Евгеньевна, оказалась очень занятной — про весёлую цирковую обезьянку по имени Ручка. Чего только не вытворяла эта Ручка! И на лошади скакала, и танцевала, и строила рожи зрителям!

Все внимательно слушали и старательно — кто записывал, а кто списывал. Как я у Ножки. А что делать, если в каждом предложении каверза на каверзе сидит и каверзой погоняет. Ну и Ручка! Такое представление устроила, что простыми словами не опишешь.

Наконец выступление неугомонной обезьянки завершилось, и Татьяна Евгеньевна сказала:

— Проверьте, что вы написали, и я соберу тетрадки.

Все начали тщательно — кто проверять, а кто сверять свои записи с соседскими. Как я, например.

В общем, сверяю я, сверяю — всё верно. Всё, как у Ножки: вот мягкий знак в слове «обезьянка», вот — в слове «Ручка»... И вдруг меня стукнуло: а что, если моя фамилия

Ручкин тоже с мягким знаком? А я на обложке тетрадки написал без него. Как же правильно? И у Надьки, ясное дело, не подсмотришь. Эх, надо было перед диктантом на ней жениться! Мигом превратилась бы из Ножкиной в Ручкину! И я спокойненько свисал бы с её тетрадки нашу общую фамилию. А теперь придётся спрашивать.

— Ножка, — зашептал я, — в «Ручкине» есть мягкий знак?

— Сам должен знать, что в тебе есть, а чего нет, — проворчала Ножкина. — Отстань!

Ух, вредина! Счастье, что я на ней не женился! Ну и ладно, разберусь как-нибудь. Хотя чего, собственно, разбираться? Невооружённым глазом видно, что «Ручка» и «Ручкин» одного поля ягоды. А значит, пишутся одинаково.

И я мастерски втиснул мягкий знак в свою фамилию между буквами «ч» и «к». Получилось очень даже аккуратно.

Я скорчил Ножкиной такую рожу, что обезьянке Ручке и не снилось, и сдал тетрадку. В числе первых!

А на следующий день было вот что.

Урок русского языка начался с меня.

— Ручкин, — сказала Татьяна Евгеньевна, — ты меня поразил. Причём дважды за один диктант! Во-первых, ты с ошибкой написал свою собственную фамилию. Таких учеников я ещё не встречала! Запомни: нет мягкого знака в слове «Ручкин»!

«Эх, промахнулся, — пожалел я. — Значит, всё-таки Ручка Ручкину не товарищ!»

— Но при этом, — продолжала учительница, — ты написал диктант на удивление хорошо. Как будто знаешь все правила, чего я раньше за тобой не замечала. Или, может, ты списал у Нади Ножкиной?

— Нет! — убедительно замотал я головой. — Я вообще не смотрел в её сторону!

— Молодец! — похвалила Татьяна Евгеньевна. — Но одну грубую ошибку ты сделал: в слове «Ручка» поставил всё тот же мягкий знак. Единственный из всего класса!

— Как это единственный? — возмутился я. — А Ножкина? У неё был мягкий знак! Я точно видел! Два раза проверял!

Тут ребята ка-ак захохочут! А Ножка — громче всех.

— Да я его стёрла, когда ты побежал тетрадку сдавать, — сквозь смех еле выговорила она. — Это была описка!

Вот такая история. Остаётся только добавить, а точнее, убавить — убрать мягкий знак из моей фамилии на обложках тетрадок, куда я успел его впихнуть.

...А всё-таки я правильно сообразил, что «Ручка» и «Ручкин» пишутся одинаково.

Валентин Постников

Однажды я сидел дома и скучал. Неожиданно раздался звонок в дверь, и ко мне ввалились два моих школьных друга — Пашка и Вадик.

— Мы с Пашкой решили волю закалять! — выпалил с порога Вадик.

— Как Диоген, — уточнил Пашка.

— Кто это? — поинтересовался я.

— Очень давно в Древней Греции жил такой философ, — сказал Вадик.

— У него была воля железная, прямо как твоя батарея. Железобетонная воля! Я про него целую книжку прочитал. Он был против всяких излишеств. Диоген считал, что человек вполне может обходиться тем, что у него есть. Правда, это мало у кого получается, — добавил Вадик.

— Вот мы и решили стать такими же волевыми, как он, — вставил Пашка и спросил: — А ты, Семён, хочешь волю закалить?

— Ещё бы, — кивнул я. — Мне папа давно твердит про эту самую волю. Говорит, что я порой веду себя, словно кисельная барышня.

— Не кисельная, а кисейная, — поправил Пашка.

— Какая разница? — отмахнулся я.

— Кто будет первым волю закалять? — строгим голосом спросил Вадик, серьёзно поглядев на нас с Пашкой.

Первым вызвался я. Уж очень мне хотелось поскорее волевым человеком стать.

— У тебя бочка дома есть? — спросил Пашка.

Марина Дружинина. «Звезда и капуста».

Валентин Постников. «Слоны Ганнибала».

— А зачем? — опешил я.

— Диоген жил в бочке, так как считал, что дом для человека — это излишняя роскошь. Для чего жить в роскоши, когда можно бочкой обойтись, — объяснил Вадик.

— Бочки нет, — развёл я руками.

— И как ты только живёшь без бочки? — удивился Пашка.

— А у вас что, дома бочка есть? — спросил Вадик у Пашки.

— Нет, зато ведро есть! — гордо сообщил тот.

— погоди, у нас есть бак для грязного белья, — обрадовался я. — Может, подойдёт?

— Давай, — согласился Вадик. — Будешь в баке жить.

Я притащил из ванной круглый плетёный бак, и Пашка с Вадиком быстро вытряхнули из него

всю грязную одежду на пол.

— Теперь залезай внутрь! — скомандовал Вадик. — Представь, что ты Диоген!

Я забрался в бак и приступил к воспитанию воли.

— Тесновато тут, — посетовал я через некоторое время.

— Ну ты и неженка! — усмехнулся Вадик. — А Диогену, думаешь, в бочке просторно было? Кстати, знаешь, как ему идея про бочку пришла? Однажды он увидел улитку с домиком на спине и понял, что для жизни достаточно и бочки. Это короли там всякие да вельможи во дворцах шиковали, хотя им и там тесно было. А скромным людям, вроде нас с Диогеном, и бочка подойдёт или на крайний случай бак для белья.

Я посидел ещё полчаса, и мне стало нестерпимо жарко. Ведь на дворе самый разгар лета.

— Пить хочется, — жалобно простонал я.

— Пить разрешается, — смилостивился Пашка. — Жажда — это не излишество. Но вот чашки не получишь. Диоген был против всякой посуды.

— А как же пить? — удивился я.

— А как первобытные люди пили? Черпали воду из ручья пригоршней и пили.

— Ладно, сейчас тебя напоим, — пообещал Пашка. — Жди!

Ребята убежали на кухню. Я слышал, как они возятся там возле раковины. Набрав в ладони воды, мальчишки понеслись ко мне в спальню. Но пока они добежали — почти всё расплескали. Лужи были повсюду: в коридоре, в гостиной, в спальне. Пока я напился вдоволь, весь пол в квартире был мокрым и скользким, как в школьном бассейне.

— Может, протрётё пол? Мама заругает, — попросил я.

— Сам высохнет! — махнув рукой, ответил Вадик. — Диоген не стал бы на такую ерунду время тратить. Он был выше всяких мелочей!

— Можно старыми газетами пол накрыть, тогда нам не мокро будет ходить, — предложил Пашка. — Бумага воду хорошо впитывает. Газеты у тебя есть?

— Нет, мама их выбрасывает, — Отозвался я из бака.

— А это что? — спросил Вадик, показывая на письменный стол.

— Это папины бумаги, — объяснил я.

— Годится, — решил Вадик. — Давай их по полу раскидаем.

— Какие листы брать, чистые или исписанные? — спросил Пашка.

— Бери исписанные, — велел Вадик. — Зачем чистые-то портить? Они ещё пригодятся.

— А вдруг они папе нужны? — засомневался я.

— Вот чудак-человек! — засмеялся Вадик. — Ты сам подумай, нужны ли тебе прошлогодние исписанные тетрадки?

— Нет! — уверенно ответил я.

— Правильно, — согласился Вадик. — Чистые тетрадки всегда пригодятся. Вот и с папиными листочками так же.

Ребята с усердием принялись за дело, и через пару минут папины бумаги белели на полу по всей квартире. Чернила от воды тут же расплылись бледными кляксами.

— Теперь другое дело! — радовался Вадик. — Сухо, и мухи не кусают!

— Мороженого хочется, — робко намекнул я. — Жарко же!

— А ты медведя попроси, — предложил Пашка.

— Какого медведя? — не понял я.

— Плюшевого, — засмеялся Пашка, — который на комодке сидит.

— Ты что, сбрендил? — рассердился я. — Он же не может сходить на кухню и достать из морозилки пломбир. Медведь же игрушечный!

— Правильно! — важно сказал Пашка. — А Диоген, между прочим, просил милостыню у статуи. Когда прохожие его спрашивали, почему он обращается за подаванием к гипсовой скульптуре, философ отвечал, что таким образом приучает себя к отказам. Вот и ты приучайся. Мороженое — это излишество.

— А еда — тоже излишество? — спросил я на всякий случай. — Есть хочется.

— Терпи, Семён, — пробурчал Вадик, набивая рот бутербродом, который приготовил себе на кухне. — Диоген терпел голод, и ты терпи. А то из тебя вряд ли человек получится!

— Диоген, кстати, обедал не каждый день, — добавил Пашка. — Он считал, что каждый день обедают лишь богачи. Так что — закаляй волю, — сказал друг и тоже побежал на кухню.

Я сильно проголодался, но решил не сдаваться. Диоген ведь научился голод переносить, значит, и у меня должно получиться. Чем я хуже!

Ребята включили телевизор. Там начинался какой-то фильм про шпионов. Пашка с Вадиком уселись перед экраном так, что мне ничего не было видно.

— Подвиньтесь чуть правее, — попросил я. — Вы мне весь обзор загораживаете! В баке сидеть и без того тесно и скучно.

— Семён, ну ты даёшь! Просто вылитый Диоген! — обрадовался Пашка.

— Это ещё почему? — удивился я.

— По кочану. Как-то раз Диоген, искупавшись, сидел на берегу и обсыхал на солнышке. Мимо ехал великий царь Александр Македонский.

Узнав знаменитого философа, царь сказал: «Я исполню, любую твою просьбу. Хочешь, подарю бочку золота? Проси всё, что пожелаешь!» А Диоген спокойненько так ответил ему: «Отойди, ты загораживаешь мне солнце».

— А ты мне загораживаешь телевизор! — выкрикнул я.

— Хватит болтать, ребята. Давайте лучше каким-нибудь полезным делом займёмся, — предложил Вадик, выключая телевизор.

— Каким ещё делом? — угрюмо спросил я.

— Вылезай из бака, будем его по квартире катать.

— Разве это дело? — удивился я.

— А то нет! — воскликнул Вадик. — Да будет тебе известно, однажды правитель Македонии Филипп Второй, отец Александра Македонского, решил напасть на город, в котором жил Диоген, и все жители города, узнав об этом, принялись готовиться к осаде. Диоген вылез из бочки и начал катать её по улице взад вперёд. Когда его спросили, зачем он это делает, философ ответил: «Ну, все что-то делают, и я решил заняться каким-нибудь делом».

Смеясь и пихаясь, мы схватили бак, положили его на бок и принялись катать по комнатам. Он, как нарочно, цеплялся за всё что ни попадя. Случайно мы расколотили две маминых вазы, горшок с кактусом и уронили торшер. Хорошо ещё, что абажур не порвали, а только испачкали.

— Ерунда! — успокоил меня Пашка. — Зато делом заняты, а не бездельничаем, как другие.

— Ну всё, — утирая пот со лба, твёрдо заявил Вадик. — На сегодня хватит. Пора по домам. Завтра продолжим волю тренировать.

Тут я взглянул по сторонам. Ух, что в квартире творилось! Всё было перевернуто вверх дном, словно по комнатам пронеслось стадо диких бизонов.

— Ну и ну! — Я почесал затылок. — Интересно, что скажет мама, когда это увидит?

— А что, она должна скоро прийти? — осторожно поинтересовался Вадик.

— Да вот-вот с работы вернётся, — вздохнул я.

— Всё, мы пошли, — решительно распахивая дверь, сказал Пашка. — Пока, Семён, до завтра.

Не прошло и пяти минут как ушли ребята, дверь отворилась — на пороге стояла мама.

— У нас был потоп? — охнув, спросила она.

— Нет!

— Может быть, к нам в квартиру залезла дикая обезьяна, которая тут набезобразничала?

— Нет, мам, это не обезьяна. Просто мы с Пашкой и Вадиком волю тренировали, как Диоген. Был такой философ, противник разных излишеств. Я тоже против излишеств и потому весь день в бочке, вернее в баке, просидел. Прямо, как Диоген. Мы его по истории проходим сейчас, — зачем-то соврал я.

— Ну вот и славно! — улыбнулась мама. — Мы с папой хотели тебе велосипед купить, а теперь я понимаю, что это самое настоящее излишество. Пешком ходить гораздо полезнее. И клюшка излишество, и коньки роликовые, и ласты с маской.

— А что же не излишество? — опешил я.

— Веник, совок и половая тряпка! — строго сказала мама.

Мечь самурая

Во вторник мы с Пашкой обдумывали, как стать настоящими самураями. А началось всё с того, что я на антресолях нашёл старый номер журнала «Вокруг света», где была напечатана статья об отважных воинах, живших в древней Японии. У них был даже свой кодекс чести. Самураи всегда друг друга в беде выручали! Вот и мы с Пашкой решили поступать, как самураи: что бы ни было, на помощь друг другу приходить.

— Давай, Пашка, поклянёмся, что всё у нас будет общее и мы всё будем делить пополам: и подарки, и отметки, — предложил я.

— Как это? — не понял Пашка.

— Ну, например, если у меня есть жвачка, я должен обязательно тебе отдать половину. А ты мне, если она твоя. Или вдруг тебе или мне, не дай Бог, двойку поставили — мы должны наказание поровну разделить. Так все самураи поступали.

— Что, жвачкой делились? — удивился Пашка.

— Нет, они делили между собой все радости и беды поровну, — объяснил я ещё раз Пашке.

— Ну что, клянёшься?

— Клянусь! — кивнул он.

— Клянусь, — повторил я за Пашкой. — Слушай, ты, вроде, говорил, что у тебя конфета есть, — неожиданно вспомнил я.

— Да, — подтвердил Пашка.

— Раз мы теперь самураи, делись конфетой.

— Хорошо, — согласился Пашка. — А ты мне давай половинку яблока, которое у тебя в кармане лежит.

— Ладно! — кивнул я.

— Эх, хорошо быть самураем! — сказал Пашка, с аппетитом уплетая зелёное сочное яблоко.

Вечером я позвал друга в гости. Мне бабушка с дедушкой подарили на день рождения два разных конструктора. Один я решил отдать Павлику. Чтобы всё было по-честному. Всё поровну.

— Ух, здорово! — обрадовался Пашка. — Ты, Семён, настоящий самурай.

— А давай теперь уроки учить по очереди, — предложил я. — Сегодня ты учишь, а завтра — я. И так каждый день. Будем друг другу списывать давать. Ты мне, я — тебе.

— А если к доске вызовут? — засомневался Пашка.

— Не беда! — тут же нашёлся я. — Будем друг другу подсказывать, на то мы и самураи.

Так и порешили. Я с лёгким сердцем отправился в кино, а Пашка должен был засесть за математику и географию. Однако на следующий день оказалось, что Пашка домашние задания не сделал.

— Понимаешь, — стал оправдываться он перед уроками. — Ко мне сосед зашёл, и мы с ним до вечера в настольный хоккей играли. Он мне раз десять проиграл.

— А вдруг тебя вызовут? Или меня? — испугался я.

— Не бойсь! В нашем классе сорок человек, — махнул рукой Пашка. — Авось пронесёт! А если даже и вызовут, будем подсказывать друг другу. По учебнику!

Как назло, меня всё-таки вызвали. Ну, думаю, не беда, сейчас Пашка подскажет.

Оказалось, нам задали самостоятельно найти и выучить названия самых больших пустынь Земли. Я вышел к доске и с надеждой уставился на друга, а он только глазами вращает и сидит весь красный, словно рак.

— Ну вспоминай, Рыжиков, — Нина Васильевна нацепила на нос очки и внимательно посмотрела на меня. — Какие же самые крупные пустыни Земли?

— Не помню! — промямлил я и пожал плечами.

— Ты учил? — строго спросила учительница.

— Учи-ил, — с тоской протянул я. Хотя на самом деле, конечно же, ничего не делал. Просто было стыдно признаться в этом.

Через минуту я уже сидел за партой с двойкой в дневнике.

— Теперь ты тоже должен двойку получить! — прошептал я Пашке. — Чтобы всё по-честному было, как у самураев. Раз у меня двойка, то и у тебя должна быть.

— Меня отец за двойку убьёт, — простонал Пашка. — Он мне обещал новый велосипед купить, но если я двойку принесу, то не видать мне велика как своих ушей.

— Эх, ты! — пробурчал я. — Тоже мне самурай! Испугался первых же трудностей.

— Это в последний раз! — пообещал друг. — Больше не подведу.

— Ну ладно, — оттаял я. — Смотри не обмани. Самураи так не поступают.

Вечером меня, конечно, наказали — я был вынужден сидеть дома. Все ребята пошли гулять на улицу и устроили турнир по футболу. Наш двор играл против соседнего, и я должен был стоять на воротах. Обидно было до слёз.

— Учил бы уроки — сейчас бы гулял, как твои друзья, — разворачивая газету, назидательно сказал папа.

— Пашка тоже дома сидит, — сказал я уверенно.

— Он что, тоже двойку получил? — удивился отец.

— Нет, — честно признался я.

— Так за что же он наказан? — снимая с носа очки, поинтересовался папа.

— Он не наказан. Он самурай! — объяснил я.

— Кто-кто? — спросила мама, оторвавшись от вязания.

— Самурай! — повторил я. — Понимаешь, в Японии были такие благородные воины. Они всё делали вместе. И если один из них попадал в беду, другой обязательно должен был прийти ему на помощь.

— Значит, Павлик из солидарности с тобой гулять не выходит? — догадался папа.

— Всё верно, — кивнул я. — Мне поставили двойку, и он, так же как и я, обязан сидеть дома.

— А разве это не Паша во дворе бегают? — улыбнулась мама, выглядывая в окно.

— Где? — не поверил я своим ушам и кинулся к окну.

— Да вон, на воротах стоит твой самурай! — сказала мама.

— Точно, он! — засмеялся папа.

Верно, это был Пашка собственной персоной. Стоял как ни в чём не бывало вместо меня на воротах.

Вечером я позвонил ему домой и с обидой сказал:

— Эх, ты! Настоящий самурай должен был бы остаться дома. Мы же договорились всё делить поровну!

— Верно, договорились, но я решил, что на футбол это правило не распространяется, — без тени смущения заявил Пашка.

«Ещё как распространяется, — подумал я засыпая. — Ну ничего, завтра посмотрим, кто из нас настоящий самурай».

На следующий день у нас была контрольная по математике. Учительница написала на доске примеры, и мы начали их решать. В этот день был мой черёд готовить уроки, и потому Пашка учебники даже не открывал.

— Дай списать, — прошипел он, толкнув меня в бок. — Ты не забыл, что самураи всегда выручают друг друга в беде?

— Не забыл, не забыл, — ответил я и, усмехнувшись, протянул ему исписанный листок.

Пашка спрятал шпаргалку под парту и быстро-быстро принялся переписывать решение в тетрадку.

За эту контрольную работу он получил двойку, а я — пятёрку.

— Ты что?! — набросился на меня Пашка на перемене. — Что ты мне вчера подсунул? Там же все ответы были неправильные! Я из-за тебя двойку схлопотал.

— Это называется месть самурая, — ответил я и ехидно улыбнулся.

Слоны Ганнибала

Семён, гулять пойдёшь? — спросил Пашка, заскочив ко мне домой после уроков.

— Я бы пошёл, конечно, — тяжело вздохнул я. — Только нужно ещё параграф по истории выучить, про Ганнибала.

— Про Ганнибала?! — обрадовался Пашка. — Там и учить нечего! Давай я тебе про него расскажу. Айда на улицу!

— А ты разве знаешь? — с сомнением спросил я своего товарища, запирая на ключ дверь

квартиры.

— А чего там знать-то? — махнул рукой Пашка. — Я кино про него смотрел. Значит так, слушай и запоминай, — начал он, пока мы бежали вниз по лестнице. — Ганнибал — это такой знаменитый полководец древний. Он жил давным-давно, ещё при царе Горохе.

— Ты что, не помнишь точнее? — спросил я, когда мы выбежали на футбольное поле.

— Да какая разница! — отмахнулся Пашка. — Скажешь, давно жил, этого достаточно. И вот однажды он решил напасть на Рим. Собрал войско и пошёл в поход через горы.

— Через какие горы? — решил уточнить я, устанавливая мяч по центру поля. — Горы бывают разные.

— Вот пристал! — сердито пробурчал Пашка. — Думаешь, в кино было видно, какие там горы. Помню, что высокие.

— Ладно, давай дальше, — кивнул я, и мы побежали к воротам противника, потому что игра уже началась.

— Самое главное, — вспомнил Пашка, — у него в войске были бегемоты.

— Как бегемоты? — опешил я и отбил мяч головой.

— Так! Боевые бегемоты, — пояснил Пашка. — Воины на них верхом ездили.

— А разве на бегемотах ездят? — засомневался я.

— Конечно, чудак, — ответил приятель. — Они знаешь, как ловко умеют прыгать через расщелины в горах. Я сам в кино видел, как Ганнибал сидит верхом на бегемоте впереди всего войска.

— И много их было в войске? — спросил я, передавая пас направо.

— Кого?

— Ну бегемотов этих?

— Штук сто, наверное, — ответил Пашка, чеканя мячом. — Или двести!

— Кто же победил в той битве?

— Ясно кто, конечно, Ганнибал, — ответил мой друг. — Всё запомнил?

— А чего тут запоминать! — весело отозвался я и с лёгким сердцем продолжил игру.

На следующий день мне было не до веселья.

— Ганнибал жил... очень давно, — промямлил я, когда к доске вызвали именно меня. — Лет сто, наверное, тому назад. Или пятьсот.

— Не сто и не пятьсот, Рыжиков, — сурово сказал Дмитрий Сергеевич, наш учитель истории. — Великий завоеватель Ганнибал жил в Карфагене две с лишним тысячи лет тому назад. Дальше рассказывай.

— Он решил напасть на Рим, — продолжил я.

— Правильно, — согласно кивнул учитель.

— И пошёл со своим войском через горы, — бодро добавил я, окрылённый успехом.

— Через какие горы? Это важно!

— Через высокие. Гималаи, кажется, — неуверенно ответил я.

В классе все засмеялись, и только учитель оставался серьёзным.

— Ну какие Гималаи, Рыжиков? Ганнибал шёл через Альпы. Ну хорошо, расскажи нам, что необычного было в войске Ганнибала, и тогда поставлю тебе тройку.

— Вот, вспомнил! — обрадовался я.

— У него в войске были боевые бегемоты. Штук сто, наверное, или двести.

Класс грохнул со смеху.

— Рыжиков, кончай паясничать! — рассердился учитель. — Откуда там взялись бегемоты? Думай!

— Может быть, жирафы? — робко предположил я. — Они через пропасти умеют прыгать.

Класс потряс оглушительный взрыв хохота. Я думал, потолок обрушится или пол подо мной провалится.

Дмитрий Сергеевич смеялся вместе со всеми, но двойку мне всё же поставил.

По пути домой я встретил своего приятеля Пашку.

— Слушай, я вспомнил: у Ганнибала были не бегемоты, а слоны, — сообщил он. — Так что не перепутай.

— Поздно, — пробурчал я, — по истории пару схлопотал.

— Да не расстраивайся! Пошли в футбол погоняем, — предложил Пашка.

— Не могу, — ответил я. — Мне на завтра нужно выучить про Александра Македонского.

— О, я про него тоже фильм смотрел! — обрадовался Пашка. — Сейчас я тебе про него всё расскажу.

— Ну уж нет, спасибо, — отказался я и побежал домой делать уроки. Так будет вернее!

Новый метод

Вчера нам задали на дом целую пропасть уроков. Просто кошмар какой-то! Как будто мы не дети, а роботы. Как нарочно, на улице стояла такая прекрасная погода, что я не смог удержаться и отправился играть в футбол с ребятами.

— Ты почему ушёл гулять, не сделав уроки? — грозно спросил меня отец вечером.

— А я знаю один хитрый способ, как быстро всё выучить, — сразу нашёлся я.

— Что ещё за способ? — нахмурился отец.

— Зачем каждый день по много часов сидеть за учебниками, когда можно делать всё сразу?
— сказал я.

— Как это? — удивился папа.

— А так! Буду теперь делать, как великий полководец Юлий Цезарь. Он и читал, и писал одновременно двумя руками, при этом ещё и разговаривал.

Я взял в левую руку учебник математики, в правую — книгу по истории, на коленях раскрыл географию, а русский язык положил перед собой на стол.

— Ну-ну! — покачал головой папа и, добавив «Посмотрим на результаты», вышел из комнаты.

На следующий день я получил сразу три двойки.

— Знаешь, сын, — сказал папа мне вечером, — в древности жил на свете великий полководец Александр Македонский. Он частенько брался за решение трудных задач. Однажды, взглянув на гору Афон высотой два с лишним километра, он приказал своему скульптору превратить эту гору в гигантскую статую сидящего воина. Гору нужно было обтесать со всех сторон, словно то была не гора, а глыба мрамора. В левой руке воин должен был держать целый город из десяти тысяч жителей, а в правой — огромное блюдо, в котором плескалось бы гигантское озеро и под этой же рукой раскинулся бы ещё один город.

— И что? — спросил я. — Получилось у него изваять такого огромного воина?

— Нет, — сказал отец, — потому что Александр Македонский был не только великим полководцем, но и мудрым человеком. Он понял, что нельзя браться за то, что выполнить не под силу.

— Всё ясно, — вздохнул я. — Пойду делать уроки старым, проверенным методом. Ведь я не Юлий Цезарь[1].

Марк Шварц

Тётя Мороз

Скоро Новый год. Ёлки, подарки. У нас дома тоже ёлка. Папа каждый год ставит её внутри перевернутой табуретки и ещё к трубе привязывает, чтобы не упала Инка, моя старшая сестра, все верхние ветки украшает. Конечно, она вон какая здоровенная! Стеклянные шары мне не даёт. Как будто боится, что я их разобью. А на самом деле — просто жадина!

За три дня до Нового года она мне говорит:

— А я в школе Деда Мороза играть буду!

Я, конечно, знаю, что Дед Мороз не настоящий, но подарки-то он дарит настоящие!

— Да ты, — говорю, — всё перепутала. Ты, наверное, Снегурочку играть будешь!

— Ничего я не перепутала, — отвечает Инка. — Я буду Дедом Морозом, Снегурочкой будет Галка, а ты, если хочешь, можешь быть Новым годом.

— Как ты можешь быть Дедом Морозом? Пойми, Деда Мороза должен играть дядя. А тётей Морозов вообще не бывает.

А Инка мне:

— Где это ты видел дядю Мороза? Он дед — тысяча лет и никакой не дядя!

Тут я совсем запутался. А Инка говорит:

— Если не хочешь Новый год играть, так и скажи. Мы другого мальчика найдём!

— А что надо делать?

— Да ничего, только выйти к ёлке, когда все закричат: «Новый год, Новый год! Пусть скорее к нам придёт», — и сказать:

Здравствуй, дедушка Мороз.

Здравствуйте, ребята!

Прилетел я к вам со звёзд

На конях крылатых.

Я на ёлку к вам спешил,

Чтоб принять участие.

Всем ребятам от души

Я желаю счастья!

Тут все захлопают, а ты залезешь ко мне на плечи, и я тебя понесу. Ну ещё помахай рукой на прощание и улыбайся изо всех сил.

В назначенный день мы прибежали в школу с большим опозданием, потому что у меня шнурки на ботинках никак не завязывались. Ребята нас уже ждали. Нарядная ёлка стояла в центре спортзала. В раздевалке Инка обернула меня в голубую бумагу с надписью «Новый год» и обвязала красивой серебряной лентой, а сама надела красную шубу, валенки и начала привязывать большую белую бороду с носом и усами. У маски было четыре завязки: две на макушке и две на затылке. Шуба сестре мешала, и Инка попросила меня завязать тесёмки. Я встал на скамейку и стал завязывать. А у Инки на макушке сплошные волосы. Она как закричит:

— Ты что за волосы дёргаешь? Больно же!

Тогда я предложил ей остричь макушку, всё равно потом новые волосы вырастут. Но тут прибежала Галка-Снегурочка, вся в блёстках и с короной на голове. Она приладила Инке бороду с носом, надела на неё шапку, и они пошли в зал, а я встал

у двери ждать своего выхода.

Было очень жарко и обидно: все ребята веселятся, а я в коридоре торчу, и никто меня не зовёт. Я сел на скамейку и стал думать про маму, папу, про подарки, которые они нам с сестрой положат на Новый год под ёлку.

Вдруг прибежала Галка и, схватив меня за руку, потащила в зал. Там, оказывается, уже давно меня кричат. Я выскочил к ёлке и начал:

Здравствуй, дедушка Мороз,

Здравствуйте, ребята!

Я подарки вам принёс

На крылах конячих...

Тут я понял, что вроде что-то не то говорю и стал махать руками, как будто лечу. Чтобы все поняли.

Я на ёлку прилетел,

Вам большое счастье,

Только очень я вспотел

Принимать участие!

Тут ко мне подбежала Снегурочка, схватила меня под мышки и стала сажать на плечи к сестре. Чтобы не упасть, я ухватился за её шею и нос.

— Отпусти нос! — закричала Инка и замотала головой.

Легко сказать «отпусти», а за что держаться? Я оставил её нос в покое, но тут же схватился за бороду. Борода вместе с носом съехала набок и осталась у меня в руке. Дед Мороз, расталкивая ребят, потащил меня к раздевалке. А я изо всех сил улыбался и махал рукой, в которой была борода.

В раздевалке Инка сбросила меня на спортивные маты и сказала, что больше никогда не возьмёт такого обормота играть Новый год. Всегда так: чем больше стараешься, тем хуже выходит! Я сел на скамейку и заплакал. Тут прибежала Галя-Снегурочка и принялась нас успокаивать, что, мол, всё хорошо, всем очень понравилось и нечего раскисать по пустякам. Мы стали есть конфеты из новогоднего подарка и смеяться.

Когда шли домой, было уже темно, но не страшно. Светила яркая луна, и громко скрипел под ногами снег. Я держал Инку за руку и думал: это ничего, что у меня нет старшего брата. Зато у меня есть такая замечательная сестра — тётя Мороз!

Мышонок

На заднем дворе детского сада, где сараи, жил волк... Он сидел там и ждал, когда Нина Сергеевна, наша воспитательница, отвернётся и забудет, что нас надо беречь. Если кто не слушается и уйдёт далеко от группы, он сразу как выскочит, как схватит непослушного и унесёт в сарай. А вечером, когда темно, он так и рыщет, так и рыщет!

Нину Сергеевну волк боится. Она у нас строгая. Её все мамы слушаются, и даже уборщица тётя Катя, хотя она и сильнее.

А вот Борька волков не боится. Он говорит, что волков, бармалеев и даже Дедов Морозов не бывает. Это всё враки для ясельных, а мы уже почти школьники.

Борька длинный и хитрый. Девчонки дразнят его макаронной, а он их тоже обзывает по-всякому. Борька очень смелый. Он уже два раза лазил через забор, туда, где сараи, за разными железяками, и ничего!

Однажды Фимка решил сам пробраться к сараям и узнать наконец, есть там волк или это всё выдумки. Конечно, Фимка не маленький и волка этого ни капельки не боится, но одному идти не хотелось. Пришлось просить Борьку пойти вместе. Борька даже присел от смеха.

— Ты? За сараи? Да ты в штаны напустишь! Тебя два дня касторкой отпаивать придётся!

У Борьки мама зубной врач, и он всё-всё про лекарства знает. Фимка опустил голову и сурово сказал:

— Я так решил!

Борька прищурился:

— А спорим, что ты испугаешься?

С Борькой спорить было нельзя, это все знали. Всегда так повернёт, что выигрыш его будет. Но отступить было некуда. Фимка набрал в лёгкие побольше воздуха и протянул руку:

— Спорим!

Борька быстро схватил его руку и сказал:

— На пять компотов! С разбивщика не берут! — и другой рукой разбил ладони. — Ну как, правда пойдёшь?

— Пойду!

— Ладно, пошли.

Борька направился к забору и вдруг остановился:

— А вот отгадай, что значит слово «Дуня»? Не знаешь? Эх, ты! «Д» — дураков, «У» — у нас, «Н» — нет.

— А «Я»? — удивился Фимка. — «Я» как же?

— А ты — дурак, а ты — дурак! — радостно заорал Борька.

— Да нет, я про букву «Я» спрашиваю. Она что означает?

— А то и означает, что ты — дурак!

— Ну буква «Я»-то как...

— А вот так — ты — дурак! Ты — дурак-дурак-дурак! — пропел Борька, прыгая на одной ножке, а потом сказал: — Ну ладно, пойдём, ты мне ещё компоты не проспори.

Борька полез в кусты и вытащил дырявое ведро, приставил его к ограде и быстро перелез на ту сторону. Фимка тоже встал на ведро, но у него нога никак не закидывалась. Тогда он лёг на забор животом и, дрыгая ногами, перевалился через него.

Борьки нигде не было. Фимка подошёл к сараю, прислонился к нему спиной и осторожно выглянул. Никого. На дверях висел замок.

«Странно, куда же волк подевался? — подумал Филька. — Может, спит или в другом детском саду дежурит?»

— У-у-о-у! — слышалось из-за сарая.

Если бы Фимка не стоял спиной к стене, он бы упал обязательно. А так он только съехал на корточки и обхватил голову руками. Даже крикнуть не смог. Потом он услышал топот и еще сильнее вжался в стену. Из-за сарая выскочил Борька.

— Ага! — закричал он. — Струсил! По глазам вижу! Мои компотики-то! Мои!

— Ничего не струсил, — прохрипел Фимка вставая. — Просто устал и присел отдохнуть.

— Ладно, сиди здесь, я сейчас! — и Борька снова убежал.

Фимка стал искать щель в стене, чтобы посмотреть, как там — у волка в доме. Но щели не было, зато из доски торчал большой рыжий гвоздь. Фимка раскачал его и дёрнул изо всех сил. Гвоздь выскочил и отлетел в сторону. Фимка обернулся, присел на корточки и тут увидел мышонка. Мышонок был маленький, серенький, шелковистый, с белым брюшком и крохотными лапками. Фимка осторожно поднял его на ладони.

— Борь, Борь! Я мышонка нашёл!

Борька прибежал, гремя какими-то железками, и уставился на мышонка.

— Ты что! Брось скорее, они кусачие! — воскликнул он.

Фимка даже улыбнулся от такой глупости.

— Он же мёртвый!

— Брось сейчас же! — кричал Борька. — Мне мама говорила, они заразные, в них вредные микробы ползают! Вот заболешь, умрёшь, тогда узнаешь!

— Да где ты видишь микробов? Вот, смотри как следует! Это в автобусе полно микробов, моя мама так говорит. Но ведь это же не автобус, а просто мышь!

Фимка положил свою находку в карман:

— Пошли, а то Нина Сергеевна будет искать.

Когда они вернулись, Борька подскочил к Кольке Сычёву показать свои находки. Сыч, толстый и неуклюжий, сидел на качелях и крутил головой от зависти. Стали подходить и другие ребята. Тут Фимка не выдержал и сказал:

— А я тоже был за сараями! Не верите? Вот! — Фимка вынул мышонка из кармана. — Его

погладить можно. Не бойтесь, он же мёртвый.

— Ну ты даёшь, Фимка! — Сыч подошёл и провёл пальцем по гладкой шёрстке. — Законно!

Ребята обступили их. Каждому хотелось потрогать мышонка.

— Везёт!

— Это тебе не железяки, а настоящий мышонок!

— Да, мне бы такого найти!

— Мыши на дороге не валяются!

И Борька вдруг остался один.

Гайки, гвозди и даже ржавый дверной замок уже никого не интересовали. И всё из-за этого чокнутого с мышью. Да без него, Борьки, он бы ни за что до сараев не добрался! Да если он захочет — тысячу таких мышей принесёт! Борька бросился в толпу.

— Чего уставились, дураки несчастные, дохлых мышей не видели? Заразу всякую руками трогаете! Она же бешеная, эта мышь!

Ребята расступились.

— Сам ты бешеный! — Фимка убрал мышонка за спину. — Не лезь!

— Вы чего не поделили? Фима? Боря? — Нина Сергеевна прошла на середину и встала между ними.

Ребята молчали. Вдруг Борька скорчил рожу.

— Наденька, что ж ты молчишь, когда Нина Сергеевна спрашивает? Ты же всегда говоришь правду! — обратился он к веснушчатой девчонке с большим бантом.

— А меня не спрашивали! Тебя спросили, ты и отвечай!

Нина Сергеевна заложила руки за спину:

— Что здесь наконец происходит? Надя, может, ты объяснишь?

Девочка посмотрела на Борьку. Ну макарона, ну гад!

— Нина Сергеевна, это всё он! Фимка его нашел и стал показывать. Он такой хорошенький, маленький и не кусается! А этот как налетит! Как заорёт: «Бешеный, бешеный!» Сам он бешеный!

— Да кто бешеный? Кто не кусается? — не поняла воспитательница.

— Мышонок.

Лицо Нины Сергеевны как-то странно передёрнулось. Она отскочила назад и закричала:

— Где мышонок? Какой мышонок?

Фимка нехотя подошёл к Нине Сергеевне, поднял руку и разжал кулак.

— Вот.

Нина Сергеевна выпучила глаза и стала, как рыба, беззвучно открывать рот. Потом в её горле что-то булькнуло и заклокотало. Вдруг она как завизжит! Фимка даже зажмурился. А Нина Сергеевна сорвалась с места и побежала. Ребята бросились догонять, но её, пожалуй, и волк не догнал бы, так быстро она бежала! А потом споткнулась и полетела прямо в песочницу!

Фимка вздохнул, пошёл за веранду, в кусты, вырыл там ямку и закопал своего мышонка.

По дороге домой Фимка спросил:

— Мам, угадай, кто смелей: я или Нина Сергеевна?

— Конечно, Нина Сергеевна, — не задумываясь ответила мама.

— А вот и нет! Я сегодня за сараи ходил, где волк прячется, и почти не боялся. А она вот такого маленького мышонка до смерти испугалась. Как закричит, как побежит!

— Не городи чушь, — сказала мама. — Смотри лучше под ноги!

Сергей Степанов

Клад для потомков

Однажды Дима сидел с ребятами на лавочке во дворе. А неподалёку какой-то малыш ковырял лопатой землю.

— Вот бы клад найти! — мечтательно сказал Лёня. — Может, за лопатой сбегать? А вдруг?..

— Здесь мы точно ничего не найдём, — остудил его пыл Дима. — Тут пять лет назад пустырь был. И сто лет назад тоже. И никто, конечно, о нас не позаботился и ничего не закопал.

— Жаль...

— А давайте зароем клад для наших потомков! — предложил Дима.

— Здорово! — поддержал идею Олег. — Вот они обрадуются, когда найдут!

— А что закопаем? — спросил Лёня.

— Сделаем так: у меня дома есть большая пятилитровая банка с широким горлышком. Каждый положит в неё что-нибудь ценное, и эту банку мы закопаем! — сказал Дима.

— Обязательно ценное? — усомнился Лёня.

— А как же! Это ведь клад!

Все разошлись по домам, но вскоре собрались опять. И девчонки пришли — они всегда всё знают.

Дима принёс стеклянную банку с крышкой и свою любимую книгу «Приключения Тома Сойера».

Наташка положила в банку какие-то бусы и свою фотографию в двухлетнем возрасте.

— А фото зачем? — удивился Дима. — У наших потомков дети будут похожи на нас как две капли воды!

— Это ещё неизвестно! — возразила Наташка. — По телевизору говорили, что в будущем люди будут с большой головой и маленьким туловищем!

— Ну-ну! Точь-в-точь как ты на этом снимке! — засмеялся Олег.

— А потом, я собираюсь стать знаменитой! — передёрнула плечами Наташка. — Тогда эта фотография будет очень ценной!

— Да я не против, — согласился Дима.

Вадик принёс старые монеты — не старинные, а недавно вышедшие из обращения.

— Монеты — это хорошо! — похвалил его Дима. — Они сейчас просто старые, а полежат лет сто-двести — глядишь, и превратятся в старинные!

Было видно, что Вадику вдруг стало жалко отдавать такие ценные монеты, но он ничего не сказал.

А Лёня хотел засунуть в банку свой прошлогодний дневник.

— А что же в нём ценного? — удивился Дима. — В нём и пятёрок-то почти нет!

— Зато все тройки и четвёрки мне дались дорогой ценой! Знаешь, сколько я учил «Мороз и солнце»? Три дня!

Но тут все поддержали Диму и отказали Лёне в праве передать свой дневник потомкам. Тогда Лёня достал фотоаппарат «Смена».

— А тебе не жалко? — спросил Дима.

— Мне для истории ничего не жалко! — торжественно произнёс Лёня.

Дима хотел щёлкнуть затвором, но того на месте не оказалось.

— Ничего! В музей поставят! Под стекло! — сказал Лёня.

Маринка положила в банку журнал мод, а Олег хотел засунуть дощечку с какими-то каракулями.

— Это ещё что за иероглифы? — нахмурился Дима.

— Я эти значки сам выдумал! Нарочно! Пусть попробуют расшифровать! Головы сломают! — захихикал Олег.

— Ты что же, над нашими родными потомками поиздеваться решил? — строго спросил Дима.

Олег выбросил свою дощечку и положил в банку игрушечный пистолет.

— Пусть знают, что у нас тут были трудные времена, — сурово сказал он.

Дима закрыл банку крышкой. Ребята выбрали укромное место в углу двора, и мальчишки по очереди стали копать яму — не очень мелкую, но и не слишком глубокую — чтобы клад

всё-таки нашёлся, а не сгинул под землёй навеки. Поставили в ямку банку, засыпали, притоптали и разошлись.

В течение недели Дима часто вспоминал о «Приключениях Тома Сойера». Так захотелось перечитать!

«Вот перечитаю и на место верну, — наконец решил он. — Вообще, можно и через год положить. Потомки-то ещё не скоро будут клад откапывать. Они ещё не родились даже».

И вот, улучив момент, когда во дворе никого не было, Дима откопал клад. И с удивлением увидел, что в банке лежит только его книга! Больше ничего не было! Ни фотоаппарата, ни монет, ни журнала мод, ни пистолета...

Колдунья Петрова

— Буриданов, иди на место. Двойка. И вообще, что произошло? Почему ты совсем перестал учиться? Ты забыл, что математика — царица наук? — строго спросила учительница.

— Сглазили меня... — понутив голову, ответил мальчик.

— Кто тебя сглазил?

— Петрова...

Петрова, рослая девчонка с первой парты, презрительно фыркнула:

— Вот ещё! Очень мне нужно тебя сглаживать... Глазить... В общем, если б я на самом деле захотела, ты не только перестал бы учиться, но и заикаться начал!

— М-м-марья Д-д-дмитриевна! Вот в-в-видите?

— Ты что, Буриданов, нарочно? Перестань заикаться!

— Я не н-н-нарочно! Это всё П-п-петрова!

— Лена! Ну-ка расколдуй его сейчас же!

— Да это он дурака валяет, Марья Дмитриевна! Вы его больше слушайте!

— Какого д-д-дурака? А т-то, что ф-фиолетовое п-п-пятно н-на н-ноге п-п-появилось? В-вот!

Буриданов задрал штанину.

— Так ты вчера в футбол гонял! — сказала Петрова. — Вот синяк и посадил. Ты ещё скажи, что у тебя недержание!

— Ой! М-м-марья Д-д-дмитриевна! М-м-можно в-в-выйти? — тут же поднял руку Буриданов.

— Я с вами с ума сойду! Иди! — разрешила учительница.

Через несколько минут Буриданов вернулся.

— М-м-можно в-войти?

— Садись на место, но молчи! Потом разберёмся! А то не успею с новым материалом вас

познакомить.

Но едва Марья Дмитриевна начала объяснение, Буриданов снова поднял руку.

— М-м-марья Д-д-дмитриевна! М-м-можно выйти? Очень х-хочу!

— Что же с тобой делать? Может, и правда?..

— Марья Дмитриевна! Давайте я его вылечу! — предложила Петрова.

Подошла к Буриданову да как стукнет его толстым учебником по голове! И отбежала в сторону.

— Ну, Петрова! Щас я тебе! — закричал Буриданов и бросился за девчонкой, но передумал и вернулся за свою парту. Погрозил обидчице кулаком и прошипел: — На перемене поговорим!

— Ну вот и хорошо! Исцелился! — обрадовалась Марья Дмитриевна. — Продолжаем урок!

Берегись, комар и прочая живность

Однажды Дима зашёл к Алёше, известному на всю школу изобретателю. Тот мастерил какой-то прибор размером с телевизор.

— Чем это ты занимаешься? — любопытствовал Дима.

— Да вот, делаю отпугиватель комаров, — пояснил Алёша. — А то совсем одолели. Полночи не спал!

— Как же он будет отпугивать? — заинтересовался Дима.

— Излучением. Надо только правильную длину волны подобрать — чтобы комар чувствовал беспокойство, а человек ничего бы не замечал.

— Ага, понятно, — кивнул Дима. — Но почему у тебя этот агрегат такой большой?

— Это для гарантии. Пугать так пугать! Если тараканы вдруг заведутся, то и тараканы убегут! Если мыши есть — то и мыши!

— Ясно... Гулять пойдёшь? — спросил Дима.

— Нет, хочу закончить сегодня. Немного осталось.

Дима вышел во двор. Мальчишки играли в настольный теннис на «вылет», и Дима тоже занял очередь. Дождался, взял в руки ракетку и вдруг почувствовал какую-то тревогу. Другие ребята тоже посерьёзтели, завертели головами. Что-то не то!

Тут из всех подъездов дома стали выбегать жильцы, кошки, собаки. Животные разбежались по соседним дворам, а люди столпились возле дома. Все выглядели испуганными и ничего не понимающими.

А потом выскочил и Алёша.

— Лёш, твоя работа? — спросил Дима.

— Ага! Переборщил я! Мощность нужна поменьше.

— А сам-то чего прибежал?

— Не знаю... Чего-то боязно стало...

Зона риска

В школьном коридоре было безлюдно и тихо. К одному из кабинетов подошёл милиционер, посмотрел на часы. Мимо проходил маленький мальчик в очках. Он остановился и сказал:

Марк Шварц. «Тётя Мороз».

Сергей Степанов. «Зона риска».

— Дяденька, вы тут неправильно стоите.

— Почему неправильно? — улыбнулся милиционер. — Здесь 5 «Г» сейчас, я узнавал, а мне учительница нужна.

— Это очень опасное место. Я вам советую подождать звонка у входа в школу.

— Ты хочешь сказать, что мне что-то угрожает? — Стража порядка явно забавляла эта ситуация, к тому же спешить было некуда.

— Да. Это — зона риска, — серьёзно сказал мальчуган.

— Но ты же видишь: я милиционер. Чего мне бояться? К тому же у меня пистолет, — и милиционер похлопал ладонью по кобуре.

— Понимаете, в чём дело... — рассудительно сказал мальчик. — В этом классе учатся очень подвижные дети, а на этой перемене у них завтрак. Сейчас они побегут в столовую...

Тут зазвенел звонок. Дверь класса резко распахнулась, и из неё с диким шумом вылетела толпа детей, сбила с ног стража порядка и вихрем унеслась по коридору.

Милиционер, сидя на полу, растерянно огляделся, подобрал смятую фуражку, валявшуюся рядом. Схватился за кобур — она была расстёгнута, а пистолет исчез! Он тут же представил себе своего строгого начальника: «Как же ты не уберёг личное оружие, товарищ капитан?!»

Милиционер вскочил на ноги и с криком «Стойте, стойте!» помчался вслед за классом.

— А ведь я предупреждал! — сказал вслух мальчик. — Какие всё же взрослые легкомысленные!

Раздался звонок в дверь. Зинаида Ивановна открыла, и в квартиру ввалились четверо подростков. У одного на животе болтался огромный барабан, другой держал в руках трубу, третий — литавры, а четвёртый помахивал трещоткой футбольного фаната.

— Здравствуйте, бабушка! Очень эффективно! Стопроцентный результат! Пенсионерам скидка! — затараторил парень с трещоткой.

Недоумевающая старушка не успела и слова сказать, как «музыканты» со страшным шумом привели в действие свои инструменты!

Всё затряслось. Зинаида Ивановна упала в обморок.

— Нет, с пенсионерами больше связываться не будем! — удручённо сказал лидер группы. — Воды сюда!

Ребята побрызгали водой на хозяйку, та открыла глаза, села на полу.

— Ну что же вы — не расплатившись, в обморок падаете! С вас пятьдесят рублей! — сказала заводила.

— За что? — слабым голосом спросила пенсионерка.

— Борьбу с мышами заказывали? Все грызуны убежали! Я вам гарантирую!

— Это точно! — радостно подтвердил один из мальчиков и стукнул колотушкой по барабану. С потолка упал кусок штукатурки.

— Какие мыши?! — не поняла старушка.

— Как какие? Мы же с вами по телефону договаривались! Это Полярная, 12?

— Нет, 12а.

— Извините, ошибочка вышла. Но всё равно, работа, так сказать, выполнена... Впрочем, засчитаем её как шефскую помощь, — проявил великодушие предводитель группы.

— Микки, где ты? Ты жив? — жалобно позвала старушка, и в дверном проёме комнаты появилась белая мышка.

— А-а-а!!! Мыши!!! — закричали мальчишки и понеслись прочь вниз по лестнице.

Случай в библиотеке

В нашей районной библиотеке такие чудеса происходят!

Недавно Дима рылся там в книжках — хотел выбрать какой-нибудь американский детектив. Раскрыл одну книгу — и увидел в ней доллар. Настоящий! Тут же пролистал книги всех американских писателей — ничего больше не нашёл.

Решил заглянуть во французскую детективную литературу. И опять удача! В первой же книге лежала банкнота в десять евро!

А в английском криминальном романе он обнаружил фунты стерлингов!

«Ну что ж, — подумал Дима, мысленно потирая руки, — перейдём к отечественным детективам!»

Пролистал одну книжку, другую — ничего. Взял третью. Ему бы найденные деньги в карман положить! (Это он потом сообразил.) А он, доверчивый, и банкноты держал, и книгу листал.

Тут внезапно со страниц книги высунулась рука, схватила иностранные денежки и исчезла!

Дима почувствовал, что теряет сознание.

Когда он очнулся, увидел над собой перепуганных библиотекарей.

— Шёл бы ты лучше погулять, мальчик! — сказала одна из них. — А то смотри, какой

бледный!

— Да-а, с нашими — не зевай!.. — прошептал Дима и шаткой походкой отправился домой.

Вот такие чудеса у нас в библиотеке творятся! Вы не поверите!

И правильно сделаете.

Дружба

Петухова, давай с тобой дружить! Я тебе буду по математике помогать, а ты мне — по английскому.

— Это деловое сотрудничество, что ли?

— Ну зачем — сотрудничество? Просто дружба.

— Но ведь от дружбы выгоды не ищут.

— А я и не ищу. Это так, попутно...

— Нет уж, сотрудничество так сотрудничество. Математика — это хорошо. А что ещё твоя сторона может предложить?

— Какая сторона?

— Это значит ты!

— Ну у меня диски есть с классной музыкой. Могу дать послушать.

— Годится. А ещё что предложишь?

— Если Вовка Брюквин опять тебя толкнёт, я ему в лоб дам!

— Тоже неплохо! А ещё?

— На телевидение могу тебя сводить. На экскурсию. У меня там мама работает.

— Я не против. А ещё?

— Конфетами тебя буду угощать.

— Здорово! А что ещё?

— Что ты всё меня допытываешь? А сама-то что предложишь?

— Так сочинения по английскому помогу тебе писать!

— И всё?

— Сидоров, ну какой же ты жадный и расчётливый! Всё выгоду себе ищешь! Это же дружба, разве можно так?

— Так ты сказала: сотрудничество...

— Я сказала?! Ну какое может быть сотрудничество с таким партнёром, который только и думает, как бы урвать побольше?

— Ладно, не будем сотрудничать. Петухова, а давай просто в кино сходим! Завтра в «Звезде» новый блокбастер про инопланетян.

— В кино? Хорошая мысль! Кто покупает билеты?

Раковина

Дима пришёл к Олегу в гости и увидел лежавшую на телевизоре большую морскую раковину. И конечно, поднёс её к уху. Послышались выстрелы, визг тормозов, потом опять стрельба... Опустил руку — всё стихло. Снова поднёс к уху. Автоматная очередь, шум какой-то драки...

Озадаченный, Дима положил раковину на место и сказал:

— А вот мы с юга привезли раковину — там шум волн.

— Ха! Так твоя в море лежала, а моя где лежит?

Олег нажал на кнопку пульта управления телевизором. Послышались выстрелы, звуки погони. Засветился экран. Шёл боевик...

Илья Ильин

Генеральная уборка

Мы с Толяном дружим с первого класса. Первого сентября он пришёл в школу с огромным букетом. В наглаженном костюмчике. В белой рубашке и галстучке. На торжественной линейке его поставили прямо передо мной. Я хотел ему сразу по шее дать, чтобы не задавался, но потом передумал. «Ладно, — решил, — после уроков надаю».

Подкараулил после второго урока, толкнул его, а он... меня. Я от такой наглости офонарел. «Ты чё, — говорю, — оборзел?». А он: «Не лезь, а то как двину!»

Когда нас разняли, ругать не стали, по разным углам поставили и всё. А галстучек я ему всё-таки помял.

С тех пор и дружим. Не разлей вода уже до пятого класса.

Сегодня у нас генеральная уборка в школе. Людмила Николаевна, наша классная руководительница, распределила задания. Всем досталось убирать в коридоре и на лестнице, а мы с Толяном вызвались Покрасить окна в классе. Дали нам по банке белой краски и по малярной кисточке. Когда класс опустел, мы приступили к делу. Макнул я кисточку и давай мазать.

— Эй! Ты что красишь? — в испуге воскликнул Толян.

— Как что, окна! — спокойно ответил я.

— А ты уверен, что нам стёкла закрасить велели?

— Так Людмила Николаевна же сказала ПОКРАСИТЬ ОКНА, а не рамы. Может, в будущем году здесь медпункт будет? Видал, в больницах все окна белой краской закрашены?

— Точно! — обрадовался Толян и стал, как и я, быстро водить кистью по стёклам.

Вскоре мы любовались плодами своего труда.

Класс окутал полумрак, и мы вздрогнули, когда вдруг включился свет.

— Что это? — тихо спросила учительница, и её очки сами собой полезли на лоб.

— Правда, здорово, Людмила Николаевна? — похвалился я. — Ни одной капли мимо!

Учительница села за ближайшую парту и посмотрела на нас так, что я тут же понял: медпункта в нашем классе не будет.

— Мы сейчас всё вытрем, краска ещё не высохла, — быстро спохватился я, толкнул застывшего Толяна и сунул ему в руку тряпку.

— Стоять! — спокойно, но очень строго произнесла Людмила Николаевна. — Ничего не трогайте.

Она медленно поднялась и показала на дверь.

— Марш отсюда! — продолжила она уже громче. — На лестницу! Будете девочкам воду таскать!

Легко сказать «таскать». Попробуйте с первого этажа на третий полные вёдра потягать. Девчонки, тоже мне, ударницы, как нарочно быстро всю воду расходуют. По третьему ведру еле-еле дотащили. Всё, думаю, на четвёртом ведре умру где-нибудь между вторым и третьим этажами.

— Серёга! — вдруг слышу голос Толяна — это он меня зовёт. — Серёга, иди быстрее сюда!

Бросил я ведро, поднялся к нему на верхнюю лестничную площадку.

Смотрю: стоит Толян, довольный и радостный. В руках пожарный рукав держит, а сам кивает головой на кран.

— Видал?! — громко прошептал Толян. — Со мной не пропадёшь! Хватит вёдра таскать. Открой вентиль потихоньку, а я к девочкам спущусь и воду на месте наливать буду. Воды теперь — хоть залейся.

Толян потянул шланг вниз и скоро скомандовал: «Давай!»

Я приоткрыл кран. Ничего. Я ещё немного покрутил.

— Ну чего ты? Заснул, что ли? Открывай! — крикнул снизу Толян.

Я и открыл, крутанув на полную катушку.

Шланг выскочил из настенной коробки, быстро надулся, стал разворачиваться и... На нижнем

этаже что-то громко хлопнуло и сильно зашипело. Девчонки завизжали как резаные и кинулись бежать. Я это понял, потому что скоро визг раздавался во всех концах школы. Я бросился к крану и попытался его закрыть, но не тут-то было. Злополучный вентиль не поддавался — у меня не хватало сил побороть мощную струю.

Скоро прибежал дядя Юра, наш комендант. Вместе мы всё-таки справились и перекрыли воду.

Мне очень не хотелось идти вниз, но не бросать же Толяна в беде, и я пошёл.

Толян лежал на лестнице в обнимку со шлангом. Всё, что можно было смыть, было смыто: вёдра, швабры, тряпки плыли, точно корабли, своим курсом по волнам океана под названием «Первый этаж». Все, кто мыли лестницу, стояли, как мокрые мыши, и дрожали. Вода-то холодная.

Появилась Людмила Николаевна. Тоже мокрая с головы до ног.

— Бегите в раздевалки, в спортзал, — опять спокойно, но строго сказала она. — Вытирайтесь всем, что найдёте, головы просушите феном. И по домам! А вы, Вилюлькин и Картошкин... — она повернулась к нам и опять так посмотрела, что я понял: нам лучше остаться. — А вы, Вилюлькин и Картошкин, — повторила она громче, — берите вёдра, тряпки и чтобы ни капли мимо!

Вечером пришёл с работы отец, хлопнул меня по плечу и весело спросил:

— Ну, сынуля! Как прошла генеральная уборка? Школа небось сияет?

— Ещё как, — кивнул я, не в силах в ответ хлопнуть отца по плечу.

Не будь скрягой

В воскресное утро семья Василькиных — мама, папа и семилетний сынишка Владик — всегда завтракает на кухне. Правда, как и во многих семьях, собраться всем сразу удаётся не всегда. Мама ходит по квартире и, как кондуктор трамвая, выкрикивает:

— Завтракать! Завтракать! Ну где вы там?

— Сейчас! — кричит папа из туалета.

— Иду! — отзывается Владик из-под кровати, куда он вчера неосмотрительно закинул тапок.

Но вот наконец вся семья на кухне.

Папа включает радиоприёмник.

«С добрым утром, с добрым утром...» — доносится оттуда бодрая песенка.

— И с хорошим днём! — заканчивает припев папа.

Мама разливает чай в чашки и, словно только что вспомнив, говорит:

— Папик, день-то хороший. А скажи мне, когда ты наконец починишь дверь в комнате? Ждёшь, когда свалится и пришибёт кого-нибудь?

— Сегодня! Сегодня и почию, — обещает папа. — Вот сейчас чайку попьём и за дело. Владик, поможешь?

— Да, папа! — откликается сынишка с большой охотой.

Он тут же вскакивает из-за стола и убегает к себе в комнату. Папа смотрит на маму. Мама понимающе улыбается. Владик возвращается со своими игрушечными пластмассовыми инструментами: молотком, отвёрткой, ножовкой.

— Пап, я готов, — объявляет он. — Пошли чинить!

— Нет уж, — останавливает его мама. — Сначала поешьте как следует. Сядь, Владька, вот тебе ватрушка и сырок.

— Да, сын, давай-ка поедим, чтобы силы были! — соглашается папа.

Затем он допивает чай, встаёт, потягивается и, крякнув, говорит:

— Э-эх! Ну, сына, пошли.

Дверь в комнату висит на одной петле.

— Да-а, сына, — папа проводит рукой по косяку. — Могла и в самом деле пришибить кого-нибудь.

— Маму? — испуганно спрашивает Владик.

— Может, маму, может, меня, а может, и тебя! — бормочет отец, морща лоб.

— Меня не надо. Ты всегда говорил, что у меня вся жизнь впереди, — Владик на всякий случай отходит подальше от двери.

Папа садится на корточки, осматривает нижнюю петлю, задумчиво ковыряет пальцем.

— Труха. Придётся выпиливать и делать вставку, — подводит итог отец.

— На, папа! — сын протягивает ему пластмассовую ножовку.

— Не, сына. Тут настоящая нужна. Сходи-ка к дяде Коле, попроси у него ножовку... и отвёртку заодно.

— Счас, папа! — бодро восклицает ребёнок и убегает к соседям.

Папа берёт газету и присаживается на диван.

В комнату заглядывает мама:

— Так, работнички. Сидим, газетки почитываем?

— Ничего подобного, — оправдывается папа. — Видишь, я газету даже открыть не успел. Сейчас всё мигом почином.

— А где Владька?

— Я его за инструментом к Володькиным послал.

— Маленького гоняешь, — , мама неодобрительно качает головой.

— Ничего, пусть приобщается... — начинает предложение папа, но не заканчивает, потому

что сынишка уже прибегает назад.

— Ты чего так быстро? — удивляется отец.

— Дядя Коля сказал, что у него нет ни ножовки, ни отвёртки.

Папа в упор смотрит на маму. Мама пожимает плечами и уходит на кухню.

— Эх-х! — вздыхает папа, откладывает газету, берёт сына за плечи и говорит: — Вот, сына, какой скряга этот дядя Коля. Не будь таким! Ладно?

— Ладно, — кивает Владик. — Пап, а что мы теперь будем делать? Без ножовки.

— Придётся свой инструмент достать. Ну-ка принеси мой чемоданчик...

Царь Иван-лягух

В квартире номер пять на втором этаже дома с лепным карнизом в виде виноградных листьев жил-был Мишка Сапожкин. Ну ты знаешь этот дом. Был Мишка страшным лентяем. За свои девять лет он не прочитал ни одной книжки. В школе-то он учился, но ничего, кроме учебников, не читал.

А в квартире номер одиннадцать на третьем этаже того же дома жил Владик Крутиков. Он учился в одном классе с Мишкой. Только Владик, наоборот, очень любил чтение и читал всё подряд, по три-четыре книги одновременно. Правда, частенько он путал их названия и авторов. Например, когда его спрашивали, что он сейчас читает, он мог ответить: «„Приключения Тома Сойера и Винни Пуха“, или „Хижину дяди Фёдора, пса и кота“ Эрнеста Успенского».

Так вот для Мишки Владик был палочкой-выручалочкой. По дороге в школу он пересказывал другу домашние задания по литературе. И этих знаний Мишке хватало на твёрдую троечку.

Однажды утром, как обычно, Мишка поджидал Владика возле дома у круглой клумбы, которую поливал дворник Саид.

— Что-то твой друга задержался сегодня, — сказал Саид.

— Сча выйдет, — заверил его Мишка.

И точно, из подъезда вывалился заспанный и какой-то помятый Владик с красными глазами.

— Ты чё, заболел? — обеспокоенно спросил друга Мишка.

— Нет. Понимаешь, мне такая обалденная книга попалась, — зевая, точно бегемот, ответил Владик. — «Октябрёнок» называется. Фенимора Купера. Нет. «Пионер». Точно «Пионер». До утра не мог оторваться.

— Ну ты даёшь! — восхищённо воскликнул Мишка. — Я бы так не смог. А чего по литературе задавали?

— По литературе? Это... Сказку... Точно! Сказку про Ивана Царевича и Царевну-лягушку.

— Ну давай рассказывай, — поторопил друга Мишка. — А то печёнкой чую, Светланапановна спросит.

— Не успел я её прочитать, — вяло отмахнулся Владик и добавил: — Да эту сказку нам ещё в детсаде рассказывали. Сейчас вспомню.

— Давай-давай, Владька, вспоминай, выручай друга, — просил Мишка.

— Значит, так! Жил-был царь. Старенький. И было у него три сына. Решил царь их поженить. Дал каждому по стреле и сказал: «Стреляйте в разные стороны. В чьи ворота стрела угодит, там и счастье ваше»...

— А дальше?

— Подожди, дорогу перейдём, буду дальше вспоминать.

Прибежали Мишка с Владиком в класс вместе со звонком. Прямо перед Светланой Александровной в кабинет заскочили.

— Здравствуйте, дети! — поздоровалась учительница.

— Здравствуйте, — нестройным хором ответили ученики.

— Сапожкин, Крутиков, вы что, с пожара бежите?

— Нет, Светлана Александровна, Крутиков про пионеров Купюрова читал и мне по дороге рассказывал, — сказал Сапожкин.

— Не Купюрова, а Купера! — поправил Мишку Владик.

— Фенимора Купера? — удивилась учительница. — Ну что ж, похвально. Вернёмся к уроку. Сапожкин, ты отдышался?

— Да, — весело сказал Мишка и толкнул Владика в бок, смотри, мол, печёнка меня не подвела.

— Тогда к доске. Пересказ сказки...

— Пересказ сказки... — повторил Мишка и вопросительно посмотрел на Светлану Александровну.

— Как сказка называется? — спросила она.

— А-а! Так, это... Иван Царевич и Царевна-лягушка.

— Ну, положим, она называется просто «Царевна-лягушка». Итак, мы слушаем.

— Жил-был царь! Он был уже старенький! — бодро начал Мишка.

Дальше он бойко звонким голосом рассказал, как выпустили стрелы братья. Как пошли их искать. Старший нашёл свою в воротах боярина и на боярыне женился. Средний на дворе купца стрелу нашёл, на купчихе, значит, женился. А младший ходил, ходил, искал стрелу, пока на болоте не оказался. Сидит там на кочке лягушка, а в руках, то есть в лапах, стрелу держит.

— Говорит ему лягушка чистым человеческим голосом, — продолжает Мишка. — Женись на мне, Иван, тогда стрелу и отдам!

— Каким голосом? — уточнила Светлана Александровна.

— Чистым человеческим.

— Понятно. Продолжай.

— А как на жабе, то есть на лягушке, жениться? Иван и говорит: «Не могу я на тебе жениться». А она пристала: женись — и всё тут! Потом говорит: «А ты, Ваня, меня поцелуй!»

Светлана Александровна с опаской посмотрела на Мишку. Класс замер.

Мишка, ничего не замечая, вдохновенно продолжал:

— Поцелуй, говорит. Ну как бы ни было Ивану Царевичу противно, взял он лягушку и поцеловал. И в тот же миг превратился в царя Ивана-лягуха...

В классе стало так тихо, что было слышно, как мыши в школьном буфете догрызали тёти Клавино печенье, которое она уронила в прошлую пятницу.

— В кого он превратился? — еле сдерживая смех, спросила учительница.

— В Царя-лягуха.

— И что дальше?

— И стали они жить счастливо и долго. А что, не так? — тихо спросил Мишка, почувствовав подвох.

Класс во главе с учительницей хохотал так, что мыши попрятались по закуткам, а в кабинет литературы, как по тревоге, прибежали завуч, математик, англичанка и завхоз.

Что искал Архимед

Васька Пташкин ворвался в класс вместе со звонком. Плюхнулся за последнюю парту, которую делил с Валеркой Сёминым. Вошёл Дмитрий Павлович, и урок физики начался.

— Закон Архимеда-а... — протянул учитель, — расскажет нам...

— Валерка, — отчаянно зашептал Васька, — сейчас меня вызовет, чесслово. А я этого Архимеда не учил, я весь вечер в «колоф-дьюти» играл. Про что хоть закон этот? Подскажи, будь другом.

— Да там всё просто, — зашептал в ответ Валерка. — Архимед лежал в воде и закричал «Эврика!» Это значит нашёл...

— Пташкин! — прозвучала, как выстрел, фамилия в шелестящей тишине.

— Ну вот, я же говорил, меня шестое чувство никогда не подводит, — вздохнул Васька и поплёлся к доске.

— Давай, Пташкин, расскажи нам, что ты знаешь о законе Архимеда, — приготовился слушать учитель.

Васька откашлялся, постучал себя по груди и начал:

— Значит, так! Однажды летом тепло было, залез Архимед в бассейн.

— В бассейн? — удивился Дмитрий Павлович.

Васька посмотрел на Валерку. Тот постучал себя по лбу и показал руками, как рыбаки, от большого размера к маленькому.

— Ну это был маленький бассейн, древнегреческий, как наша ванна, — смекнул Васька. — В Древней Греции ведь ванн не было, вот греки и мылись в бассейнах.

— А-а, — кивнул учитель, — понятно. Только ты не отвлекайся от темы. Продолжай.

— Ну вот Архимед там плавал, плавал...

— Плавал? — опять удивился учитель.

— Плескался, можно сказать. Плавать, правда ваша, было негде. Поплескался он, даже окунулся пару раз... Потом устал, полежал... И вдруг как закричит: «Эврика!»

Дмитрий Павлович вздрогнул.

— Ты, пожалуйста, не кричи, ты же не Архимед, и мы не глухие. Ну а закон?

— Значит, как закричит: «Эврика!» — уже тише повторил Пташкин.

— И что это значит? — поторопил его учитель.

— Это значит — нашёл!

— Что же он нашёл? — терпеливо выпытывал Дмитрий Павлович.

Валерка что-то шептал, но Васька никак не мог разобрать.

«Что же он нашёл? Что он в бассейне мог найти? Аквалангов тогда не было. Ласты? Нет. Ласт, кажется, тоже не было», — лихорадочно соображал Васька и с тоской в глазах смотрел на одноклассников.

Почти все пытались ему подсказать: выделывали руками какие-то фигуры, выгибали спины.

Вдруг Ваське показалось, что он услышал спасительное слово.

— Маску! — громко выкрикнул Пташкин.

— Что?! — в третий раз удивился Дмитрий Павлович. — Маску?

— Маску, — уверенно повторил Васька и добавил: — И трубку!

Класс стонал от смеха.

Что скажет дядя Коля

Возвращались мы как-то с Толиком из школы. Был апрель. Дворники подметали дворы. Маляры красили заборы. Плотники чинили калитки. Забор, мимо которого мы шли, был длиннющий-предлиннющий. Идти было скучно, и мы стали придумывать разные занятия, чтобы скоротать дорогу.

— Смотри, — показал Толик на большую берёзу.

Там, на голых ветках, расположилась стая чёрных птиц. Время от времени птицы

подскакивали и прыгали друг через друга.

— Это скворцы, — сказал Толик.

— Видишь, они в чехарду играют.

— Нет. Это галки, — возразил я, вспомнив, как мама говорила, что первыми в наши края прилетают галки.

— Скворцы! — настаивал Толик.

— Галки, — не унимался я.

— Скворцы.

— Галки.

— Скворцы.

Тут с другой стороны забора высунулась голова старушки в белом платочке. Её очки сверкнули на солнце маленькими молниями.

— Ай-я-яй! — покачала головой старушка. — В школу ходите, а не знаете. Это — грачи.

Голова старушки исчезла.

— Ничья, — подвёл итог спору Толик.

— Угу, — согласился я, и мы продолжили путь.

Толик предложил считать котов. Каких больше: рыжих или чёрных?

— Чур, я рыжих считаю! — выкрикнул Толик.

— Нет, давай я буду рыжих считать, — не согласился я, поскольку мне было известно, что рыжих котов в этом районе больше.

— Я первый предложил, — настаивал Толик.

В этот момент мимо нас промчался дворовый пёс Кузя и все коты мигом исчезли.

— Опять ничья! — засмеялся я.

И тут мы увидели дядю Колю, плотника из нашего домоуправления. Он чинил калитку. Мы с Толиком остановились и стали смотреть, как дядя Коля работает. С жутким скрипом он отдирает гнилые доски и прибивал новые. Вдруг Толик говорит:

— Слышь, Серёга! Давай поспорим, что дядя Коля скажет, когда стукнет себя молотком по пальцу.

— А может, не стукнет? — засомневался я.

— Стукнет, стукнет. Вот увидишь, — заверил меня Толик.

— Ладно. Тогда он скажет: «А-а-а!», а потом: «У, зараза!».

— А я так думаю: сначала он скажет «М-м!», а потом: «Холера тебя возьми!» или «Забодай тебя комар!».

— Ишь какой ты хитренький, — запротестовал я. — Что-нибудь одно выбери. А то нечестно. Я тоже мог второй вариант сказать, например: «Япона мама!»

— Ладно, — согласился Толик. — Тогда про холеру оставлю.

Мы молча уставились на дядю Колю и тупо стали ждать, когда он стукнет себя по пальцу.

Наверное, мы долго бы стояли и смотрели, но тут дядя Коля нас заметил, отвлёкся и как стукнет себя по пальцу!

— А-а-а! — вскрикнул он, а потом замычал: — М-м-м! Вот зараза!

Он засунул палец в рот и как врежет по гвоздю со всего маха.

— У, холера!

Потом он повернулся к нам и закричал:

— Чего уставились?! Забодай вас комар! А ну пошли отсюда!

Мы с Толиком кинулись бежать, а вслед нам неслоь:

— Всё, япона мама, из-за вас! Ходят тут всякие, работать мешают!

Добежав до конца забора, мы остановились. Тяжело дыша, посмотрели друг на друга и вместе выдохнули:

— Ничья-я-я...

Лошади и другие казаки

(Рассказ, составленный из фраз школьных сочинений)

День перевалил за полдень и потянулся к вечеру. В комнате густо пахло морскими водорослями от мокрых дров в камине. Грушницкий сказал, что хочет угостить верного коня, и вышел, прихватив пакет с початком варёной колбасы. На нём были длинные лайковые перчатки — почти до колен и, как у всех кавалеристов, на ногах — шпоры.

Как это часто бывает в горах, погода за каких-то полчаса резко изменилась — солнце стало серым и хмурым. Грушницкий поднял воротник и поглубже втянулся в солдатскую шинель.

Во дворе росла черёмуха, вся усыпанная спелой вишней. Соловей сидел на ветке и чирикал. Из-за черёмухи выглянули заячьи уши. Где-то собаки закричали не своим голосом.

Грушницкий прошёл через соседский сад, который находился по соседству.

Лошади и другие казаки паслись на лугу.

Лошадь Грушницкого была стреножена и паслась, как кузнечик: прыг-скок, прыг-скок. От этого трава звенела и ложилась ровными рядами — травинка к травинке, цветочек к цветочку.

А вдали морским прибоем колосилась рожь.

На опушке в тесную кучу сбились коровы. Спасаясь от мошек, они били хвостами по спине и жалобно рычали.

«Человеку всегда не будет хватать звона воды в лесном ручье, шелеста листьев на

голове...» — подумал Грушницкий и оседлал лошадь.

Лошадь пожевала губами, отвернула голову набок и пошла домой.

Инна Гамазкова

Снежный мальчик

Прибегает ко мне Ваня Григорьев — весь взлохмаченный, глаза вытаращены.

— Ты здесь сидишь, а они его поймали! А он опять убежал! И может быть, сейчас где-то тут, рядом ходит! А они его ищут! Понял? — Ваня подмигнул мне сперва левым глазом, а затем правым. Только я всё равно ничего не понял. Но потом он мне всё как следует объяснил.

Оказывается, по телевизору передавали, что где-то в горах, в пещере, нашли снежного человека. Но он ещё не взрослый, а мальчик. И совсем дикий: спит на земле, а воду пьёт прямо из лужи!

— Ему, — сказал Ваня, — лет восемь или десять, а читать и писать не может. Ну, понимаешь, совсем дикий. Его в город привезли, стали учить всему, а он взял да сбежал. И сейчас где-то по улицам бродит. Его нужно срочно найти, пока чего-нибудь не натворил или под машину не попал, он ведь правил не знает и по городу ходить не умеет.

— Ну это ерунда, — усмехнулся я, — его в один миг поймают! Как увидят такого... ну безо всего или в шкуру завёрнутого...

— В том-то и дело, — воскликнул Ваня, — что его отмыли, постригли, одели — от нас с тобой не отличишь!

Тут я понял, что надо парня спасать, схватил мамин театральный бинокль и выскочил на балкон. Гляжу и глазам своим не верю — он! Мимо нашего дома мчится, улицу перебегает прямо на красный свет!

— Григорьев, — кричу, — за мной! Мы его спасём!

Подбегаем, хватаем за руки.

— Это ты? — спрашиваем.

— Я!

— Ты, который снежный? Из лужи пьёшь и руками кашу ешь?

— Вы что, ненормальные? Пустите меня, я в кино опаздываю!

А Ваня тянет меня за рукав и шепчет:

— Это не тот! А вон тот — дикий! Точно тебе говорю! Видишь, подземный переход рядом, а он через ограждение лезет, прямо под колёса!

— Стой! — кричим. — погоди!

Он остановился.

— Понимаешь, — объясняем мы ему, — машины — это тебе не горные козлы, они железные! И в случае чего отпрыгнуть не могут! Ты, конечно, пока неграмотный и слово «пе-ре-ход» прочитать не можешь, а оно вон там, видишь, крупными буквами написано? Но мы тебя научим, главное — за нас держись...

— Сами вы неграмотные! Учителя нашлись! — обиделся мальчишка. — Я уже в пятом классе!

— Мы-то как раз грамотные и через ограду не лазаем, как некоторые!

Махнули мы на него рукой и дальше побежали. Вдруг слышим, автомобили гудят, люди кричат:

— Стой! Куда? Осторожно!

Прибегаем, а там уже толпа собралась. Протолкались, глядим, стоит шофёр, что-то милиционеру объясняет, а рядом — мальчишка. Люди на мальчишку накинулись:

— Ты зачем выскочил на дорогу? Из-за тебя машины столкнулись! Вот как раз из-за таких и бывают аварии!

Тут мы с Ваней за парня заступились:

— Он не виноват, он же — снежный! Прямо из пещеры! Первый раз в жизни автомобиль увидел! Он только-только с гор спустился и ещё ничего не понимает!

А мальчишка нам не то что «спасибо», а как раз наоборот:

— Вы чего?! Да я всю жизнь в городе живу! Все марки машин знаю!

Ну тут уж мы разозлились!

— Если такой знающий, что ж ты по улицам, как дикарь какой-то древний, бегаешь? Смотри, что из-за тебя получилось!

Так мы ему ответили, но всё равно настроение уже было не то...

— Ладно, — говорит Ваня, — ты чего надулся? Снежный мальчик не виноват, что наши современники такие... Надо всем ребятам про него рассказать и искать его вместе. А когда найдётся, мы ему всё объясним и научим. И постепенно он станет совсем культурным.

...А я шёл и думал: вдруг эти, которые по улицам где попало бегают и все правила дорожного движения нарушают, вдруг они постепенно и читать-писать разучатся... А потом и умываться перестанут... А там, глядишь, совсем одичают... Что тогда делать? На них ведь и пещер не напасёшься.

Подарок

Однажды Бобик сидел и думал, что скоро праздник, Новый год, когда весело и всем дарят подарки.

— И я хочу подарок, — решил он и поехал на Птичий рынок.

А там кого только нет! Рыбки плавниками сверкают, птички крыльями машут, черепахи из панциря выглядывают! А сколько людей на этом птичьем рынке, и больших, и поменьше, и мальчиков, и девочек!

Понравился Бобику один, небольшой, но уже довольно ушастый. Рыженький такой и впереди одного зуба не хватает, но это ничего, там другой скоро вырастет.

— Знаешь что, — говорит Бобик, — давай ты будешь моим новогодним подарком?

— Ладно, а ты — моим! — отвечает рыженький.

Обрадовался Бобик. Хвостом завиллял! И мальчик тоже обрадовался, только они, когда радуются, ничем не виляют, а просто улыбаются.

Пришли домой, Бобик и говорит:

— Надо тебе имя дать. Меня вот Бобиком зовут, а тебя мы назовём... Назовём...

— Назови меня Олежкой Корнеевым!

Так и решили. Удивительно умный Олежка Бобику попался! Буквы знает, слова складывает и даже считать умеет.

Но и Бобик у Олежки хоть куда, все команды выучил и палку приносит!

Такая у них дружба получилась, любая собака позавидует!

Ведь если дружба, то не просто так бегаешь, а друга догоняешь!

А потом — он за тобой, и опять ты за ним, и кричишь, и смеёшься, и прыгаешь, лаешь, и вообще — здорово!

Анна Кичайкина

Как мы с Лёшкой поступали в музыкальную школу

Сию я однажды вечером дома, по телевизору боевик смотрю, вдруг Лёшка прибегает.

— Ты чего это вдруг? — спрашиваю. — На ночь глядя?

А Лёшка, видно, всю дорогу бежал, запыхался.

— Спасай! — хрипит и больше слова вымолвить не может.

— Что, пацаны с соседнего двора бить собираются? — взволновался я.

— Хуже, — махнул рукой Лёшка. — Мама хочет меня в музыкальную школу записать.

У меня прямо от сердца отлегло.

— Тьфу ты, — говорю, — что за беда? Стоит ли из-за этого панику разводить.

— Ага, хорошо тебе говорить, — не согласился он. — Не тебя же записывают.

В это время из кухни вышла моя мама и предложила Лёшке пройти в гостиную, а меня упрекнула:

— Что же ты своего друга у порога держишь?

— Да я всего на минутку, Татьяна Сергеевна, — скромно сказал Лёшка.

— Неприятности у него, — доверительно сообщил я.

— А что такое? — встревожилась мама. — Может быть, наша помощь требуется?

Лёшка сердито посмотрел на меня и сказал:

— Видите ли, Татьяна Сергеевна, тут такое дело. Мама хочет меня в музыкальную школу записать.

— И что?

— Ничего, — пожал плечами Лёшка.

— А в чём проблема-то? — удивилась мама.

— В музыкальной школе, — хором ответили мы.

— Ах, вот оно что! — догадалась мама. — Ты просто в музыкальной школе учиться не хочешь. Ну это зря, Лёша, зря. Быть музыкально образованным человеком очень хорошо. Это расширяет общий кругозор.

— Почему же вы тогда Мишку своего в школу не отдаёте? — задал коварный вопрос Лёшка.

Я исподтишка пихнул его локтём.

— А правда, почему? — задумалась мама. — Совершенно справедливый вопрос, и я хочу немедленно обсудить его с папой.

Мама направилась в комнату, где папа чертил какие-то ужасно сложные чертежи. А я сразу накинулся на Лёшку:

— Ты чего это в мою жизнь вмешиваешься? Сам записываться в музыкалку не хочет, а меня толкает.

— Ну и что? — хитро сощурился Лёшка. — Ты же сам говорил, что это не беда.

— Конечно, не беда, — не хотел отказываться от своих слов я, — просто к музыке у меня нет никакого таланту. И желания тоже нет.

— Вот и у меня тоже, — поддакнул Лёшка.

Мы молча посмотрели друг на друга.

— Конечно, научиться играть на пианино престижней, чем на баяне, — донёсся из комнаты мамин голос.

— Баян тоже хорошо, — ответил папа. — На свадьбы всегда баянистов приглашают.

— Ещё чего не хватало! — возмутилась мама. — Чтобы мой сын по свадьбам с гармошкой бродил да объедки собирал.

— Ну почему сразу объедки? — удивился папа. — Какие у тебя странные ассоциации.

Но мама уже вышла в коридор и объявила:

— Итак, Миша, мы с папой решили, что и тебе музыкальное образование не помешает. Всё-таки не будешь бездарно свободное время проводить.

Настроение моё испортилось окончательно.

— А когда же состоится прослушивание? — спросила она у Лёшки.

— Завтра, — мрачно ответил он.

— Ой как хорошо, не опоздали, — обрадовалась мама. — Завтра вместе и пойдёте. Я бы вас, ребятки, проводила, да не могу. С работы не отпустят.

Я вышел с Лёшкой на площадку.

— И чего ты припёрся? — напустился я на него. — Не мог завтра, после прослушивания прийти.

— Как же завтра? — начал оправдываться Лёшка. — Я же хотел, чтоб ты помог мне. Надеюсь, что придумаешь, как избавиться от этой дурацкой школы.

— «Надеюсь», — сердито передразнил его я. — А теперь мне за двоих думать надо.

Я помолчал, собираясь с мыслями и решив, что отказывать друзьям в помощи нехорошо, смягчился.

— Ладно, — проворчал я, — вместе выкручиваться будем.

На другой день в час дня мы, как положено, стояли у парадного входа музыкальной школы номер три. В большом освещённом вестибюле нам понравилось, и, вдоволь покорчив рожи в зеркалах, мы наконец вспомнили, зачем явились. Узнав у старенькой вахтёрши, в каком кабинете будет прослушивание, мы поднялись на второй этаж.

Народу здесь было видимо-невидимо. И не столько было детей, сколько родителей. Мамы и папы, бабушки и даже один дедушка с бородой. Они шумно переговаривались, хвалились друг перед другом исключительным слухом своих детей. Дверь кабинета, в котором проводилось прослушивание, периодически открывалась, и очередной будущий музыкант робко шёл на первый в своей жизни экзамен.

— А может, нам не ходить на экзамен да и всё? — толкнул меня в бок Лёшка.

— А что мы родителям скажем?

— Скажем, что не приняли нас.

— Нет, Лёшка, я своей маме врать не буду. И тебе не советую. Сам подумай: она-то ведь тебе никогда не врёт.

Лёшка смущённо почесал за ухом, потом предложил:

— Тогда, чтобы обмана не было, давай так экзамен сдадим, что в школу нас не примут. Сделаем вид, будто у нас совсем никакого слуха нет.

— Можно и так, — неуверенно ответил я. — Ну там видно будет, что делать.

— Интересно, что нужно петь?

— Понятия не имею. Да и зачем нам это знать, если у нас ни слуха, ни голоса нет.

— Точно, — сообразил Лёшка и сразу успокоился.

Часа два, наверное, томились мы в коридоре, пока наконец не подошла моя очередь входить в кабинет. Лёшка ободряюще кивнул мне и хлопнул по плечу. Я сделал глубокий вдох и вошёл в класс. Там за несколькими столами сидела приёмная комиссия. В углу поблёскивало чёрное полированное пианино.

Илья Ильин. «Царь Иван-лягух».

Инна Гамазкова. «Подарок».

Я сразу же решительным шагом направился к нему и уселся на маленький кругленький стульчик.

— Как твоя фамилия, мальчик? — спросила меня женщина в яркой сиреневой кофточке.

— Клюшкин, — ответил я и деловито поднял крышку пианино.

— Ты уже умеешь играть? — удивилась тётенька.

— Я нет, а вы?

Тётенька улыбнулась и сказала:

— Я умею и кое-что сейчас тебе покажу.

Она придвинула ещё один стул и села со мной рядом.

— Вот я сыграю сейчас забавную песенку, а ты попробуй повтори:

Едет, едет паровоз,

Две трубы и сто колёс,

Две трубы, сто колёс,

Машинистом рыжий пёс,

— нажимала она на клавиши.

Мне клавиши очень понравились, и я тоже с удовольствием понажимал на них.

— Молодец, — похвалила меня тётенька. — А песни петь ты умеешь?

— Почему же нет? — удивился я. — Запросто.

И затянул любимую дедушкину песню, которая выручала меня не раз:

Патроны у нас на исходе,

Снаряды все вышли давно,
Нам помощи ждать неоткуда
И здесь умереть суждено.

Горланю, а сам одним глазом поглядываю, нравится ли комиссии моя песня. Смотрю: кивают, одобрительно кивают — и взревел с новой силой:

Мы в плен не сдадимся живыми,
Врага победим иль умрём.
Вы, братья, про нас вспомните,
Покончив с проклятым врагом.

Тут, вижу, погрустнело моё жюри. Ну что делать? Надо исправлять положение.

— А я ещё плясать умею, — говорю.

И как вышел на середину, как топнул ногой, как повёл плечами и такую «Цыганочку» выдал, что вся комиссия пришла в восторг.

— Ещё знаю фокус с картами, — разошёлся я. — Есть у кого-нибудь карты?

Но карт ни у кого не нашлось.

— А спички?

— Зажигалка, — предложил мужчина в строгом сером костюме.

— Не пойдёт, — помотал я головой.

— А читать мысли на расстоянии умеешь? — спросила женщина с высокой, как башня, причёской.

— Умею, — смело выпалил я.

— Тогда узнай, что думает тот мальчик, который всё время заглядывает в дверь.

Я оглянулся и увидел любопытствующую физиономию Лёшки. И сразу же вспомнил наш уговор. Лишь на миг я растерялся, а потом сказал:

— Да знаю я этого мальчишку. Он у нас личность известная. Первый двоечник и хулиган. Все окна в школе перебил, теперь, вижу, и до вас добрался.

Жюри обеспокоенно переглянулось, а тётенька в сиреневой кофточке что-то пометила у себя в журнале.

Я приободрился и добавил:

— А вообще-то, он пацан ничего, компанейский. Очень музыку любит. Тяжёлый рок. Включает магнитофон и орёт, как резаный. Соседи уже несколько раз милицию вызывали, а ему хоть бы хны.

Тётенька в сиреневой кофточке заёрзала на стуле.

— Да это ещё что! — с упоением продолжал я. — Он знаете какой псих? Чуть не по нему, на пол бросается, визжит и что есть сил ногами молотит. А стоит маломальское замечание сделать, в драку лезет. Буйный!

— А ты откуда всё это знаешь? — спросил мужчина в сером костюме.

— Так ведь брат он мне родной, — кротко потупясь, ответил я. — А у нас в семье все такие. — И как заору: — А-а-а!

И давай топать и руками размахивать. Тётеньки из комиссии бросились меня успокаивать, дали попить водички с валерьянкой. Тогда я сделал вид, что капли на меня подействовали, и спокойно направился к двери.

— Ты вот что, Клюшкин, — запинаясь сказала тётенька в сиреневой кофточке, — ты иди, наверное, с братом домой. Переутомились вы, видно, пока экзамен ожидали. И знаешь что, приходите на следующий год...

Я выскочил из кабинета, как из парной.

— Всё! — кричу Лёшке. — Свобода! Пошли скорей домой.

Лёшка на меня таращится, ничего понять не может.

— Как домой? — спрашивает. — А прослушивание?

— Никакого прослушивания, — отвечаю, а сам хохочу во всё горло от избытка чувств. — Я им такого про тебя наговорил, что они не знали, как от тебя покультурней избавиться.

Лёшка сначала рассмеялся, а потом вдруг надулся.

— А что, интересно знать, ты им такого про меня наговорил? — подозрительно спросил он.

— Да какая разница что? Главное — в школу нас не приняли.

Он подумал-подумал и согласился. И мы помчались по тротуару наперегонки. Душа моя пела — и Лёшку из беды выручил, и сам ловко отделался. Нам было так весело, что рано возвращаться домой не хотелось. И тогда мы завернули в парк культуры и отдыха. А там на открытой сцене готовился к выступлению оркестр. Музыканты настраивали свои инструменты и рассаживались по местам.

— Вот здорово, — сказал Лёшка, — сейчас, наверное, концерт будет. Давай посмотрим.

— Давай, — охотно согласился я.

— Ты занимай места на скамейке, а я, пока концерт не начался, за мороженым сбегаю, — сказал Лёшка и помчался к киоску, где выстроилась небольшая очередь. Тем временем лавочки перед сценой постепенно заполнялись гуляющими людьми. Становилось шумно, слышались смех и возгласы. На сцену вышел дирижёр в чёрном фраке и что-то стал говорить музыкантам. Мне стало любопытно, о чём они говорят, и я, положив на скамейку бейсболку, чтобы было понятно, что места заняты, подошёл поближе.

— А где же трубач? — вдруг спросил дирижёр и стал оглядываться. Но, не увидев кого нужно,

спросил меня: — Ты трубача случайно не видел?

— Видел, — говорю.

— Где?

А он за мороженым побежал. За каким мороженым? За пломбиром. В вафельном стаканчике. Он что, с ума сошёл?

Было видно, что дирижёр рассердился не на шутку. И я предпочёл отмолчаться, гадая тем временем, откуда дирижёр знает Лёшку. Вдруг вижу, Лёшка несётся, в обеих руках по мороженому держит.

— Ой, — говорю дирижёру, — вон он бежит.

— Где? Где? — завертел головой тот.

— Да вон же.

Тут Лёшка подбежал ко мне и говорит:

— На тебе пломбир.

— Спасибо.

— Лопай на здоровье. Не началось ещё? — кивнул на сцену.

— Нет, — отвечаю, — тебя ждут.

— Ага, так я и поверил, — засмеялся Лёшка, думая, что я шучу. — Зачем это?

— Откуда я знаю? — пожал я плечами и показал на дирижёра: — Спроси у него.

Лёшка подошёл к дирижёру и спросил:

— Вы зачем меня искали?

Дирижёр взглянул на него мельком и говорит:

— Никто тебя не искал, мальчик.

А я говорю:

— Как же не искали? Вы Трубача спрашивали? Вот он!

Дирижёр уставился на Лёшку и недоверчиво так спрашивает:

— Ты что, на трубе умеешь играть?

— Нет. С чего вы взяли?

— Да я-то ничего не брал, — разозлился дирижёр. — Это твой друг мне голову морочит.

— Вы Трубача искали? — преспокойненько спрашиваю я.

— Искал, — раздражённо ответил дирижёр.

— Ну так вот, он пришёл, — показываю на Лёшку.

— Но он говорит, что не умеет играть на трубе.

— Не умеет.

Дирижёр тупо уставился на меня, а потом пригрозил:

— Идите, мальчики, отсюда подобру-поздорову, пока я ваши фамилии не записал и не позвонил в милицию.

— Ну и звоните. Нам бояться нечего, мы не хулиганы какие-нибудь, — храбро сказал я. — Моя фамилия Клюшкин. А его — Трубач.

Тут дирижёр как расхохотался, аж вдвое сложился.

— Трубач, — еле выговаривает и снова хохочет.

— Смешинка в рот попала, — со снисходительностью старого доктора объясняет Лёшка.

— Так это твоя фамилия? — сквозь смех спрашивает дирижёр.

— Ага. И ничего смешного я в ней не вижу, — слегка обижаясь, отвечает Лёшка.

— Что ж ты сразу не сказал? Мне-то нужен музыкант, который играет на трубе. Трубач. Понял?

— Да, понял-понял, — сердитым голосом отвечает Лёшка. — Что же тут не понять. Да вон как раз он идёт.

Мы оглянулись и увидели грузного мужчину, спешащего по аллее.

— Прошу меня извинить, — начал он извиняться ещё издали. — Обстоятельства помешали мне прибыть вовремя.

— Ладно уж, занимайте своё место, — махнул рукой дирижёр и, обращаясь к нам с Лёшкой, добавил: — А вас я приглашаю на концерт.

Мы, конечно же, с удовольствием приняли приглашение. Концерт нам понравился. Все музыканты играли слаженно и красиво. Но особенно нам понравилось, как играл на своей блестящей трубе опоздавший трубач. Звонкий и сильный голос трубы перекрывал все остальные и разносился далеко за пределы парка. Я незаметно поглядывал на других слушателей и заметил, что и на них игра трубача произвела большое впечатление.

По окончании концерта мы хлопали в ладони изо всех сил. А когда возвращались домой, Лёшка признался:

— Знаешь, Мишка, а мне немного жаль, что мы не поступили в музыкальную школу. Ведь и мы могли бы научиться играть такую красивую музыку.

— Кто тебе не даёт? — рассудительно заметил я. — Поступай. Иди хоть завтра. Я ведь твою фамилию не называл.

— А ты? — с жалостью посмотрел на меня Лёшка.

— А что я? Я в изостудию запишусь. Рисование мне больше по душе. А ты подумай, может, правда в музыкальную школу запишешься? Ещё не поздно.

— Завтра же и пойду, — сурово глядя куда-то вдаль, ответил Лёшка. — И выучусь играть на трубе. Представляешь, трубач по фамилии Трубач! Уж тогда никто ни с кем меня не спутает.

И радостно засмеялся. И веснушки на его курносом носу тоже, казалось, смеялись и даже чуть-чуть светились[2].

Тамара Крюкова

Рюкзак

Школьный качок по прозвищу Конан был личностью известной. Все, начиная от первоклашек и кончая старшеклассниками, знали, что от него лучше держаться подальше. Конечно, если у тебя не потерян инстинкт самосохранения. У Женьки Москвичёва с инстинктом было всё в порядке. А после неудачной попытки стать экстрасенсом, в которой Женька отвёл Конану незавидную роль вышибалы, у несостоявшегося целителя были все основания обходить того стороной. До поры до времени это ему удавалось, но, как говорится, мир тесен.

В один из тёплых весенних дней, когда всё живое тянется к солнцу, Женька потерял бдительность. На большой перемене любители свежего воздуха подались во двор. Женька наскоро выпил в столовой компот и тоже устремился на улицу, где его поджидал закадычный друг Лёха.

Жизнь складывалась прекрасно. Была пятница, конец рабочей недели. До летних каникул оставалось меньше месяца. От избытка чувств Женька разогнался и, точно по льду, заскользил по до блеска натёртому полу. Он не ведал, что судьба приготовила для него коварный удар.

Стоило ему ласточкой выпорхнуть из коридора в холл, как он со всего размаха налетел на Конана. Тот от неожиданности покачнулся, но устоял. Зато Женьку отбросило в сторону, как от столкновения со скалой. Отлепившись от кадки с пальмой, Женька увидел, что над ним возвышается гроза школы. От прилива адреналина ноги вдруг стали ватными. Во рту пересохло.

Конан схватил Женьку за плечи и хорошенько встряхнул.

— Ну ты, шпанёнок. Глазками-то моргай, когда несёшься. Правила дорожного движения знаешь?

— П-прости. Я нечаянно, — пролепетал Женька.

— За нечаянно бьют отчаянно, — усмехнулся Конан и взглянул на Женьку нехорошим, пристальным взглядом.

«Сейчас треснет», — подумал Женька и инстинктивно втянул голову в плечи. Впрочем, подумаешь оплеуха, главное, чтобы Конан не вспомнил его былые «заслуги». Однако память Конана не подвела.

— Ха, экстрасенс! — воскликнул он.

Женька понял, что окончательно влип. Душа у него ушла в пятки, но Конан неожиданно расплылся в улыбке.

— А ты клёво тогда придумал. Я ржал, как резаный. Так что, если чего, приходи, — благодушно предложил он и заговорщически подмигнул, — и пиво приноси.

— Ага, — кивнул Женька, всё ещё не веря в своё счастливое спасение.

Конан хлопнул его по плечу и попросил:

— Слышь, будь другом, оттащи сак на третий этаж в кабинет химии. А я пойду курну.

— Будь спок! — просиял Женька и с готовностью схватил рюкзак.

Фортуна снова улыбалась ему. В ушах песней звучал голос Конана: «Будь другом». Женьку распирало от гордости. Что и говорить, не каждому удаётся быть на дружеской ноге с самим Конаном.

Женька осмотрел рюкзак и с восторгом прищёлкнул языком. Это была вещь! Чёрный, с черепушкой, нарисованной белой люминесцентной краской, и толстой металлической цепью. Наверняка из магазина для рокеров. Женька давно мечтал о таком, но мама покупала ему какую-то малышнёвскую дребедень в «Детском мире». Взрослым часто недостаёт хорошего вкуса.

Накинув рюкзак на плечо, Женька сразу почувствовал себя крутым парнем. Жалко, что его не видела Ленка Синицына или, на худой конец, сплетница Майка. Было бы здорово невзначай бросить: «Конан по дружбе дал поносить».

С этой мыслью Женька решил заглянуть в свой класс. Как назло все ребята были либо на улице, либо в столовой. За задней партой одиноко сидел Петухов и с удовольствием поглощал здоровенный бутерброд, запивая его бутылкой пепси. Его взгляд без всякого интереса скользнул по Женьке, но при виде рюкзака с черепом Петухов едва не поперхнулся. Он перестал жевать и восхищённо произнёс:

— Клёвая штука!

— А то! — заважничал Женька. Он хотел вернуть про дружбу с Конаном, но Петухов его опередил:

— Только тебе, Москвич, он как корове седло. Чё, в носильщики подвязался?

Его уничижительный тон так уязвил Женьку, что он, не подумавши, брякнул:

— Завянь, Петух. Это мой рюкзак.

Однако Петухов был тёртый калач. Такого на мякине не проведёшь. Вместо того чтобы изумиться, он лишь презрительно фыркнул:

— Ой, ща от смеха икать начну. Крутизна под микроскопом.

— Тебе просто завидно, — вскинулся Женька. — Тебе же портфель в «Детском мире» покупали. Что у тебя там на картинке, Майти Маус или Дональд Дак?

— Вот у тебя сейчас Дональд Дак в глазах заплешет, — набычился Петухов, встал с места и поднёс Женьке к носу увесистый «аргумент».

В прежние времена Женька не стал бы испытывать судьбу, но, имея другом Конана, он мог себе позволить некоторую вольность.

— Не горячись, Петух. Придёт время, и ты дорастёшь до взрослых вещей, — сказал он и покровительственно похлопал Петухова по плечу.

Петухов, который привык к тому, что его «аргумент» действует безотказно, настолько опешил, что так и застыл с поднятым кулаком. Женька направился к своей парте. Полтора извилин у Петухова в голове хватило на то, чтобы сообразить, что его унизили. Он ринулся за Женькой, схватил его за плечо, развернул к себе и грозно спросил:

— Ты чё, крутого из себя корчишь?

— Слышь, Петух, не кукарекай, — лениво отмахнулся от него Женька.

Это было последней каплей. Петухов сорвал рюкзак с плеча Женьки и с видом «попробуй отними!» спрятал за спину.

— Отдай! — крикнул Женька.

— Возьми, если сумеешь, — усмехнулся Петухов.

Женька бросился за рюкзаком. Петухов проворно вскочил на стул, потом на стол и побежал, ловко перепрыгивая с парты на парту. Лавируя между стульями, Женька кинулся в погоню, но не тут-то было. Наверху было куда больше вариантов для манёвра.

— Давай, Москвич, поднатужься. Развивай скорость! — подзадорил Женьку Петухов и перескочил на другой ряд.

И тут фортуна повернулась к Петухову задом. Он остутился и с грохотом свалился в проход между рядами.

— Допрыгался, — не без злорадства сказал Женька. — Бог шельму метит. Замри и не отсвечивай.

Он подошёл к поверженному противнику и нагнулся за рюкзаком, но бойцовский дух не позволил Петухову покорно принять поражение. Прежде чем Женька успел поднять рюкзак, Петухов изловчился и метнул его в раскрытое окно.

— Идиот! — в ужасе выкрикнул Женька и бросился к окну.

Не хватало ещё, чтобы рюкзак свалился кому-нибудь на голову! Глянув вниз, Женька сразу же оценил всю величину своего везения. Рюкзак не упал на землю. Он зацепился за ветку и завис на уровне второго этажа. А под деревом, точнёхонько под рюкзаком, стоял Конан с друзьями и мирно курил.

Женька посмотрел на Петухова и мрачно произнёс:

— Всё, Петух. Тебе — конец.

— Что, бить будешь? — издевательски хохотнул Петухов.

— Не я. Ты знаешь, чей это рюкзак?

— Ну? — спросил Петухов.

— Конана.

— Прикалываешься? — Петухов враз посерьёзшел.

— Больно надо!

— Но ты же сказал, что он твой?

— Я сказал? Кто-нибудь слышал, что я говорил, будто это мой рюкзак? Есть свидетели? — спросил Женька так, будто был прокурором в зале суда.

Он картинным жестом обвёл пустой класс. Петухов не отличался живостью ума, однако иногда и на него снисходило озарение. На этот раз он живо сообразил, что отсутствие свидетелей может сыграть ему на руку.

— А я вообще не знаю ни про какой рюкзак. В глаза не видел.

Конан его тебе дал, вот ты за него и отвечай.

Петухов прихватил пепси и демонстративно вышел из класса.

— Стой! Я всё Конану скажу, — крикнул ему вдогонку Женька.

— Попробуй, — Петухов пригрозил кулаком и добавил: — Ну, Москвич, ты попал!

Женька оказался между молотом и наковальней. Конан не станет разбираться, кто прав, кто виноват, и накомыляет ему, да ещё Петух добавит за ябедничество. Выхода не оставалось: нужно было во что бы то ни стало достать рюкзак.

Легче всего просто сбить рюкзак, но исполнять этот трюк при Конане было опасно для жизни.

Пока Женька рассуждал, как выкрутиться, в класс стали возвращаться ребята. Лёха с порога заинтересовался:

— Женька, ты чего на улицу не вышел? Я тебя заждался.

— А он завещание пишет, — гоготнул вошедший следом Петухов и обратился к Женьке: — Ну чё, Москвич, ты ещё живой? А я думал, ты уже того.

Он обвёл рукой вокруг шеи, свесил голову набок и высунул язык, изображая повешенного.

— А чего такое? — заинтересовался Шмыгунов.

— А ты выгляни в окошко. Посмотри, что Москвич с портфелем Конана учудил, — сказал Петухов.

Любопытство погнало к окну всех собравшихся. При виде рюкзака, зависшего над ничего не подозревающим хозяином, даже самые отчаянные оценили серьёзность ситуации. Черепушка на рюкзаке издевательски скалилась, навевая нехорошие мысли.

— Ничего себе, — выдохнула Майка.

— Ну ты даёшь, — понуро проговорил Лёха, а Шмыгунов с некоторым злорадством добавил:

— Москвич, ты труп.

— Зачем ты это сделал? — спросила Ленка Сеницына.

— Это ты у него спроси! Всё из-за него! — Женька со злостью уставился на истинного виновника происшествия, но вероломный Петухов лениво пожал плечами.

— А я тут при чём, если у тебя башню снесло? — Петухов повертел пальцем у виска. — Братва, а может, Москвич маньяк? На него как накатит, он рюкзаки в окошки швыряет.

В этот момент на Женьку в самом деле накатило. Невзирая на разницу в весовой категории, он бросился на Петухова. Быть бы ему битым, если бы не Сеницына.

Ленка встала между мальчишками и строго прикрикнула:

— Перестаньте! Только драки ещё не хватало. Сначала надо вызволить рюкзак.

— Как?! — в отчаянии воскликнул Женька, которому впервые изменила изобретательность.

— Рюкзак висит не так уж высоко. Конану его достать — пара пустяков. По-моему, надо пойти и во всём сознаться, — сказала правильная Сеницына.

От такого совета Женька аж поперхнулся.

— Ты что? Меня же Конан убьёт.

— Одним придурком на свете будет меньше, — хмыкнула Майка.

— Вы моей смерти хотите, да? Хорошо, пускай меня не будет! Пусть всем будет лучше! — трагически выкрикнул Женька.

Но Сеницына совершенно буднично прервала его тираду:

— Москвичёв, хватит корчить из себя недоумка. Ты думаешь, будет лучше, если Конан придёт в кабинет и не найдёт своего рюкзака? А чистосердечное признание...

— Равно самоубийству, — загробным голосом закончил Женька.

Впрочем, предложение Сеницыной навело его на мысль.

— Мы рюкзак сами достанем, — с воодушевлением сказал он.

— Это у Конана два метра роста, а ты упрыгаешься, прежде чем дотянешься, — недоверчиво покачала головой Сеницына.

— А зачем мне прыгать? Меня Лёха подсадит. Главное — отвлечь Конана. — Женька обернулся к Шмыгунову и торжественно произнёс: — Шмыга, будешь послом доброй воли.

— Я?! — опешил щуплый Шмыгунов. — Нашёл дурака. Я по доброй воле к Конану не пойду.

— «Сникерс», — предложил Женька.

— Последнюю версию «Hero's quest», — не стал размениваться по мелочам Шмыгунов.

Женька остолбенел от такой вопиющей алчности.

— Ты случаем не рехнулся? — спросил он.

— Не-а. Это ж не я рюкзак Конана на дерево закинул, — нахально заявил Шмыгунов.

Женька понял, что деваться ему некуда и нехотя кивнул:

— Ладно, грабитель.

Довольный сделкой, Шмыгунов отправился во двор. Он уже предвкушал, как погрузится в виртуальные приключения, но при виде Конана решимость покинула его. Ноги сами собой замедлили шаг. Он задрал голову. В окне третьего этажа сгрудились одноклассники и следили за ходом его миссии. В Шмыгунове боролось страстное желание получить игру и панический страх перед Конаном. Он сделал ещё несколько шагов к старшеклассникам и снова остановился. Когда до Конана осталось пара метров, Шмыгунову окончательно расхотелось играть в новый «Quest». Он уже собирался повернуть назад, но тут его окликнул

Конан.

Тамара Крюкова. «Волшебство».

Анна Кичайкина. «Как мы с Лёшкой поступали в музыкальную школу».

— Эй, пацан, ты чего там топчешься?

Шмыгунов сглотнул и единым духом выпалил:

— Конан, мы тут с ребятами поспорили. Я говорю, что ты на это дерево залезешь, а они говорят, нет.

Задним умом Шмыгунов понял, что брякнул что-то не то. Если Конан посмотрит вверх и увидит рюкзак, его гнев обрушится на крайнего. И крайним окажется он. В голове всплыл рассказ учительницы истории про участь послов, приносивших в былые времена дурные вести.

Конан щелчком отбросил окурочек и осклабился:

— А чего я там не видал, на дереве?

Шмыгунов благоразумно оставил этот вопрос без ответа.

— Проиграл ты, пацан, — продолжал Конан, отвесил Шмыге подзатыльник и, дав понять, что разговор окончен, снова повернулся к своим друзьям.

Не искушая судьбу, Шмыгунов зайцем бросился в школу.

— Ну что же ты! — с упрёком встретил его Женька.

— Не уговорил, — развёл руками Шмыгунов.

Перемена подходила к концу, и тут удача снова улыбнулась Женьке. Синицына крикнула:

— Ребята! Конан ушёл!

— Бежим! Скорей! — скомандовал Женька Лёхе, прихватил швабру, и они опрометью бросились из класса.

Перескакивая через две ступеньки, друзья сбежали вниз и выскочили из школы. Рюкзака на ветке не было. Возле дерева толпилась мелюзга из продлёнки и что-то оживлённо обсуждала.

— Эй, мальки, что случилось? — спросил Женька.

— Из окна кто-то сумку выкинул.

— И где она? — живо заинтересовался Женька.

— Её Надежда Викторовна унесла, — сказала румяная, щекастая первоклашка, а её бледнолицая подружка взахлёб подхватила:

— Она Илюше Мальцеву по голове попала. Его к врачу повели. У него прямо шишка вскочила. Теперь к директору вызовут того, кто сумки бросает. Ох и влетит же ему!

— А откуда они узнают, кто её бросил? — пожал плечами Женька.

— Так там же на тетрадках написано, — сказала щекастая, удивляясь Женькиной

недогадливости.

В этот миг Женька Москвичёв понял, что пришёл его последний час. Раздался звонок.

На следующей перемене Женька предусмотрительно не высовывал носа в коридор, но это его не спасло. В класс вбежал Шмыгунов и крикнул:

— Атас! Конан!

— Меня в школе нет, — пискнул Женька и стёк под парту. Он бы с радостью слился с паркетом, но такими способностями он, увы, не обладал.

Конан влетел в класс и в бешенстве заорал:

— Где этот шклявый? Экстрасенс недоделанный!

Все будто онемели. На удивление только трусиха Синицына не потеряла самообладания.

— Он у врача, — быстро нашлась она.

Женька готов был расцеловать её за эту ложь. Всё-таки Синицына — человек!

Борясь с приступом гнева, Конан помолчал, а потом мрачно произнёс:

— Передай, что врач ему больше не поможет. Тут медицина бессильна.

Он взял со стола чью-то ручку и пальцами одной руки легко переломил её пополам.

Нервы у Женьки не выдержали. Он вздрогнул и, задев стоящий рядом стул, выдал своё присутствие. Конан нагнулся, и их взгляды встретились.

— А ну вылазь, — приказал Конан.

— Конан, честное слово, это случайно, — пролепетал Женька, вылезая из-под стола.

Конан схватил его за шкурку и поднял, так что рубашка жалобно затрещала.

— Что с тобой сделать? Может, в окно вышвырнуть? — кровожадно спросил он.

Женька, точно опоссум в момент опасности, замер и не трепыхался. Такая покорность судьбе охладила цыл Конана. Он разжал пальцы, и Женька кулём повалился на пол.

— Где твои шмотки? — сурово спросил Конан.

Женька кивнул на стоящий под столом ранец. Конан подхватил его, поднёс к окну, высыпал всё содержимое вниз, а следом швырнул и ранец.

— Считай, что тебе повезло. Если я тебя ещё близко увижу, ты у меня, как Карлсон, будешь под крышей летать.

С этими словами Конан ушёл. Почти тотчас в класс влетел Петухов. Не скрывая огорчения оттого, что пропустил потрясающее зрелище, он сокрушённо воскликнул:

— Ну как, Москвич, ты ещё шевелишься? Эх, жалко, я опоздал!

— Не бойсь, Петух. Ты ещё получишь свою порцию жизненных радостей, — успокоил его Женька.

— Шутник, — усмехнулся Петухов, плюхнулся на своё место и озадаченно заглянул под стол:

— Я чё-то не догоняю, где мой портфель?

Женька загадочно улыбнулся и многозначительно посмотрел на окно[3].

Молитва

Господи, говорят, ты творец всего. У меня к тебе вопрос. Зачем ты сотворил двоечника Сидорова? От него только и жди неприятностей. Он каждый день безобразничает.

На прошлой неделе сбежал с уроков. Ну и что ж, что я сказала, будто нас отпустили? Кто же знал, что он такой тупой и шуток не понимает, тем более первого апреля. Так он меня в отместку за косу дёрнул. А девочек обижать нельзя. Поэтому я двинула его портфелем по голове. А он запустил в меня учебником. Я не виновата, что он попал в Вострякова и тот Сидорова отдубасил. Вострякова можно понять. Кому приятно ни за что ни про что получить синяк под глазом? Но на самом деле Сидорову повезло, потому что если бы Востряков отскочил в сторону, то учебник попал бы в окно. И тогда родителям Сидорова пришлось бы вставлять новые стёкла.

Он говорит, я ябеда. А это неправда. Просто у меня уже терпение лопается. Надел мою шапочку на скелета в кабинете биологии. Но я же не настоящую муху ему в компот подбросила, а пластмассовую.

У него тройки только по пению и по рисованию, да и то, потому что по этим предметам двоек не ставят. А на русском языке смеху было! Он написал «медведица» через «тс». Если даже это я ему подсказала, никто его не заставлял слушать подсказки. А он обозвал меня последней тварью. А я не последняя. После меня ещё вон сколько всего натворили.

Ты ведь всё можешь, Господи. Пожалуйста, сотвори чудо. Сделай так, чтобы Сидорова забрали инопланетяне. Или, если это очень трудно, пускай его переведут в другую школу. Очень тебя прошу.

Алиса.

Волшебство

Сейчас все просто помешались на магии и волшебстве. А я вам так скажу: нормальному человеку волшебство хуже смерти. Мы с моим другом Пашкой в этом на собственном опыте убедились.

Началось всё с того, что мы сбежали с контрольной. Вообще-то, нам это не впервой. Дело житейское, кому же хочется пару схлопотать. Да к тому же погода была хорошая. Выскочили на улицу. Идти домой рано. Пашке-то что? У него родители на работе. А у меня бабушка хуже всякого папарацци начнёт разнохивать: «Почему, внучек, так рано?»

Поразмыслив, мы пошли в парк, благо, он в пяти минутах ходьбы от школы. Идём, разговариваем, вдруг смотрим, на скамейке бутылка стоит. Тёмная, пузатая, как в фильмах про пиратов, и пробкой закупорена.

— Давай откроем, — предложил Пашка.

Я возьми и открой! Стоило мне вытащить пробку, как тут такое началось! Из бутылки повалил дым. Ну, думаю, рванёт. Мы кинулись прочь, но тут дым рассеялся. Смотрим: перед нами стоит джинн в натуральную величину. Вежливый такой. Поклонился и говорит:

— Да пребудет с вами удача. Что угодно моим повелителям? Я исполню любое ваше желание.

Мы прямо обомлели. А Пашка спрашивает:

— Чё, правда, что ли? Любое желание?

— Да сидеть мне вечно в заточении, если это не так, — поклялся джинн.

— Тогда пускай контрольную отменят, — выпалил Пашка.

Я постучал по лбу и возмущённо воскликнул:

— Ну ты и сказанул! Какая разница, отменят её или нет, если мы всё равно не на уроке? Пускай лучше никто не заметит, что мы сбежали. А то завтра начнутся расспросы: где были да почему ушли.

— Тоже мне желание, — усмехнулся Пашка. — Что же, мы так и будем каждый раз перед контрольной дрожать, как бешеные ёжики? Я вот что придумал! Пускай мы научимся решать задачки лучше, чем наш суперотличник Смирнов.

— Слушаю и повинуюсь, — склонился чуть ли не до земли джинн.

— Погоди, у нас ещё желания есть, — заволновались мы, но джинн помотал головой.

— Любой уважающий себя джинн исполняет только три желания.

С этими словами он исчез, словно растаял. Смотрим: мы уже не в парке, а как ни в чём не бывало сидим себе за партой. И главное — никто даже ухом не повёл.

Математичка обвела класс взглядом и объявила:

— Сегодня контрольной не будет.

Все обрадовались. Кричат «ура».

Только нам не до смеха. Я толкнул Пашку в бок и сердито прошептал:

— Видал? Целые два желания зря потратили.

А он мне подмигнул и бодренько так говорит:

— Ничего, у нас ещё третье осталось.

В это время учительница математики повернулась к нам:

— А вы, лоботрясы, до каких пор будете двойки хватать? Простейших примеров решить не можете. Хуже вас в классе никого. Сегодня останетесь после уроков, позанимаемся вместе. Я добьюсь, чтобы вы решали задачи не хуже Смирнова.

С того дня прошло полгода. Мы с Пашкой щёлкаем задачки, как орешки. Ещё бы! Каждый день после уроков по три часа над математикой корпеть. Тут и обезьяна решать научится.

Но сегодня нас ждал настоящий удар. Представляете, этот гад Смирнов нам такую свинью

подложил! Он занял первое место на районной олимпиаде по математике. Директор школы заявил, что одного победителя нам мало. Теперь нас с Пашкой после уроков, как особо перспективных, будут к городской олимпиаде готовить.

Чудное мгновенье

В классе было так тихо, что не то что муха, моль не могла бы пролететь незаметно. В этой беспредельной тишине голос учительницы литературы лился восторженно и вдохновенно и словами жёг сердца людей.

Литераторша наша — ярая фанатка Пушкина, поэтому, когда мы по программе дошли до творчества Александра Сергеевича, она села на своего конька и стала с упоением читать стихи и рассказывать про любимого поэта. Конечно, нам это было на руку. Чем больше говорит, тем меньше спрашивает. Все с радостью внимали её самозабвенному монологу.

Само собой первые парты подобострастно топорщили уши. Ближе к «камчатке» внимание народных масс ослабевало. Лично я сижу за последней партой, поэтому могу, как Юлий Цезарь, слушать в пол-уха и одновременно заниматься чем-нибудь дельным: играть в сшибалку на мобильном, рисовать всяких чудиков в тетрадке или обмениваться SMSками со Стёпкой, который сидит через две парты от меня. Но сегодня я так увлёкся рассказом литераторши, что ни на чём не мог сосредоточиться. Биография Пушкина меня проняла, и я впервые задумался о своём жалком существовании.

Что ни говори, а Пушкин был счастливчик — в любви ему везло. Может, на его месте меня бы тоже вдохновение прошибло. Я бы ещё не то написал. А тут, пока мы корпим над романами классиков, дни пробегают бесполезно и жизнь проходит мимо. Если так пойдёт и дальше, то, когда наступит старость и мою голову убелят седины, вспомнить будет нечего. Пора бы как-то определиться.

Я огляделся в поисках достойной кандидатуры.

За первой партой сидит Верка. Внешне она соответствует. Стильная девчонка. С такой не стыдно на улице показаться. Но дура дурой. С ней не о чем поговорить. Ей бы только книжки читать да по театрам мотаться, а ни одного из нападающих «Спартака» не знает. Никакого кругозора.

Нинка тоже ничего себе, но только внешне. А в душе — это не человек. Киборг. Железобетонная конструкция. К ней и Лёшка, и Толян, и Мишка подкатывали. Мишка её даже в кино водил и шоколадками кормил. Так эта скважина шоколадки проглотила, а на Мишку ноль внимания. Но я сладкое сам уважаю, так что обойдусь без Нинки.

Ленка на роль музы точно не годится. Это же чистый борец сумо. Причём в самом тяжёлом весе. При одном взгляде на неё любое вдохновение завянет.

Светка — тоже не вариант. У неё плеер не выключается. Наушники, наверное, уже к ушам приросли. А главное — она такую попсу слушает, что уши в трубочки сворачиваются и зубы сводит от негодования.

Полинка — каждой бочке затычка. Она и поёт, и танцует, и стихи пишет. Девчонка, которая пишет стихи, — это же вообще аномалия. Вон у Пушкина сколько женщин было, а хоть одна стихи писала? Нет. И правильно. Мы своих насочиняем. А то возомнят себя поэтессами и только критиковать: то не так, это не этак.

Ирка под стать Полинке. Недаром они подружки не разлей вода. На музыку ходит, на английский и рисование. Не девчонки, а батарейки Энерджайзер. Когда они стремительной походкой переходят из кабинета в кабинет, то от их мощной энергии по коридору аж сквозняк пронесётся и людей к стенкам прижимает.

У Маринки ноги от ушей. Со спины — ни дать ни взять — фотомодель. Зато у неё такое лицо, как будто она в детстве сильно удивилась и с тех пор глаза никак в орбиту не вернутся.

Когда звонок возвестил об окончании урока, я как раз дошёл до конца списка и понял, что в нашем классе мои шансы стать современным Пушкиным равны нулю.

Вот такие вот «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь».

Воля к победе

Я изучающе смотрел на стоящего передо мной человека. Его нельзя было назвать красавцем, но было в нём что-то неуловимо притягательное. Не атлет, но зато какой целеустремлённый взгляд! Горящая во взоре воля к победе вполне компенсирует хрупкость телосложения. Как и многие великие люди, он невысок ростом, но...

Внезапно мои размышления прервал оклик капитана баскетбольной команды.

— Эй, ты, недомерок! Хватит пялиться на себя в зеркало. Топай сюда.

Я подошёл.

— Берём тебя в игру только потому, что игрока не хватает, — сурово сказал капитан. — Но учти, под ногами не путаться.

Я не возражал. Приказ капитана — закон. Тем более что держаться в стороне от схватки безопаснее. У кого мяч — за тем и погоня. Охота попасть в кучу малу? Там ещё и схлопотать можно ненароком. Я не трус, просто олимпийский лозунг уважаю. Недаром ведь говорится: главное не победа, а участие. В общем, я участвовал как мог. Всю игру продержался, но в конце попал-таки в переплёт.

Всё шло так гладко, что я утратил бдительность. Обе команды гурьбой бегали на другом конце спортзала, вот я и расслабился. Стою себе возле корзины противника, жду, когда народ в мою сторону побежит, чтобы вовремя отскочить. И тут вижу, наш нападающий мне мяч кидает. Я по опыту знаю, что мячом можно приложить нешуточно, поэтому во мне сработал инстинкт самосохранения. Я словно на автопилоте отскочил в сторону.

И надо же было такому случиться, мяч перехватил защитник противника. В общем, мы проиграли и всех собак навешали на меня. А я-то тут при чём? Я же не виноват, что капитан велел мне держаться в стороне. Да и мяч тяжеленный. Не увернёшься — покалечит. Я уж не говорю про корзину. Она ж на мой рост не рассчитана. Висела бы пониже, я бы тоже очко забил. Я бы всем показал, чего стою, была бы только возможность.

Ночь мага

Мерлин вошёл в зал и оглядел толпу. Шабаш. Настоящий шабаш. Кого тут только не было: ведьмы, демоны, колдуны, гоблины и прочая нечисть. Мерлин поморщился. И тут он увидел её. В воздушном белом платье она выглядела, точно фея, лёгкая и невесомая. Казалось, дунет ветерок — она оторвётся от земли и пёрышком закружится в воздухе. Единственный ангел среди разномастного сброда.

Белокурая волшебница танцевала с демоном в красном плаще. Мерлин сразу узнал, кто кроется под этой личиной, и его охватил такой гнев, просто руки зачесались запустить в наглеца шаровой молнией. Но к сожалению, он не мог этого сделать.

Вокруг был безвинный народ. Оставалось надеяться, что утром фея поймёт, что её нынешний избранник всего лишь жалкое ничтожество.

Вокруг все смеялись, танцевали, веселились. Великий волшебник с грустью думал, что он чужой на этом празднике жизни. От нечего делать он стал мечтать. Мерлин представил себе, как направляет магический посох в нахального демона, и тот лопаётся, точно мыльный пузырь. А одинокая фея подходит к нему и...

— Привет, плесень. И ты здесь? — прервал его размышления грубый оклик демона. — Что, пришёл дряхнуть стариной?

«Только не это», — подумал Мерлин и попятился назад, но, к несчастью, налетел на огромного тролля. Громила схватил мага за грудки и грозно прорычал:

— Ну, ты, малява. Ты чё дёргаешься? Гляделки-то разуй!

— Врежь этому Хоттабычу! — науськивал наглый демон.

Фея потянула демона танцевать.

— Ну всё, хватит. Разве тебя не учили, что старость надо уважать. Оставь его в покое, — хихикнула она.

Униженный и оскорблённый, Мерлин вышел из зала. Оставаться на дискотеке не хотелось. Хэллоуин явно не удался. Он стянул с себя надоевшую бороду и мстительно подумал: «Ну ничего, Макс, ты ко мне ещё приползёшь. Я тебе покажу, демон печали. Вот будет контрольная, фиг ты у меня шпаргалку получишь».

Самые смешные истории о проделках современных мальчишек и девчонок в школе и дома вы найдёте в весёлой серии «Школьные прикольные истории».

Эти книги написали для вас замечательные детские авторы: Тамара Крюкова, Марина Дружинина, Валентин Постников, Дмитрий Суслин, Анна Кичайкина и другие. СЕРИЯ

«ТУЗИК, МУРЗИК И ДРУГИЕ...»

Серия «Тузик, Мурзик и другие...» будет интересна всем, кто не безразличен к судьбе тех, «кого мы приручили», кто не зачерствел лушой, кто понимает, что всё живое на нашей планете едино.

В серию вошли лучшие произведения современной российской литературы замечательных авторов, пишущих для детей, — Валерия Воскобойникова, Леонида Сергеева, Анны Никольской, Михаила Андреева, Олега Трушина, Натальи Крудовой и других.

Издательство «АКВИЛЕГИЯ-М» представляет новую серию «Глаз Дракона»

Тамара Крюкова «Хрустальный ключ»

Герои приключенческой повести известной детской писательницы, лауреата многих премий Тамары Крюковой Петька и Даша, приехав на лето к бабушке в деревню, узнают, что Ведьмино болото в старину было целебным озером. Дети мечтают избавиться заколдованный источник от чар, но для этого нужно совершить полное опасностей путешествие по Долине Миражей и Царству Теней, где они встречаются с мифологическими персонажами: страшными людьми-волками — волкодлаками, коварными старухами-птицами — богинками, прекрасными русалками — берегинями, отважными воинами — блажинами, непредсказуемым Анчуткой...

Георгий Почепцов «Золотой Шар»

Главный герой приключенческой повести Георгия Почепцова Белояр случайно становится обладателем волшебного Золотого шара, который может исполнить любое желание. Но завладеть шаром стремятся и тёмные силы. Белояру приходится скрываться. Его путь лежит в Страну гномов, однако чёрные лучники и зловещие пугачи подстерегают его на каждом шагу...

Георгий Георгиевич Почепцов — доктор филологических наук, профессор, автор всемирно известных книг по теории коммуникации, создатель увлекательных приключенческих повестей и романов для юных читателей.

1

О других приключениях Сёмки Рыжикова и его друзей читайте в книге Валентина Постникова «Весёлый двоечник».

2

О других приключениях Мишки Ключкина и Лёшки Трубоча читайте в книге Анны Кичайкиной «Дневник Мишки Ключкина».

3

О других приключениях Женьки Москвичёва и Лёхи Потапова читайте в книге Тамары Крюковой «Потапов, к доске!»